

Колтёр

9
СЕНТЯБРЬ

1973

Костёр

9
СЕНТЯБРЬ
1973

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издаётся с 1936 года

© „Костёр“ 1973

**ПИОНЕРСКИМИ
МАРШРУТАМИ**

**Рассказы
об Ундре**

24

**ВИКТОР
ЛЕОНТЬЕВ
ВЫХОДИТ
НА ЭКРАН**

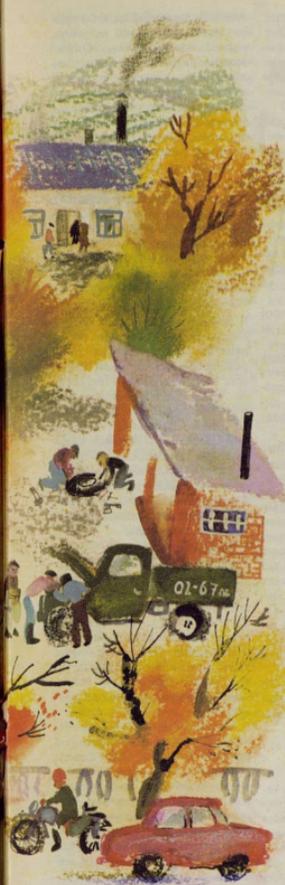
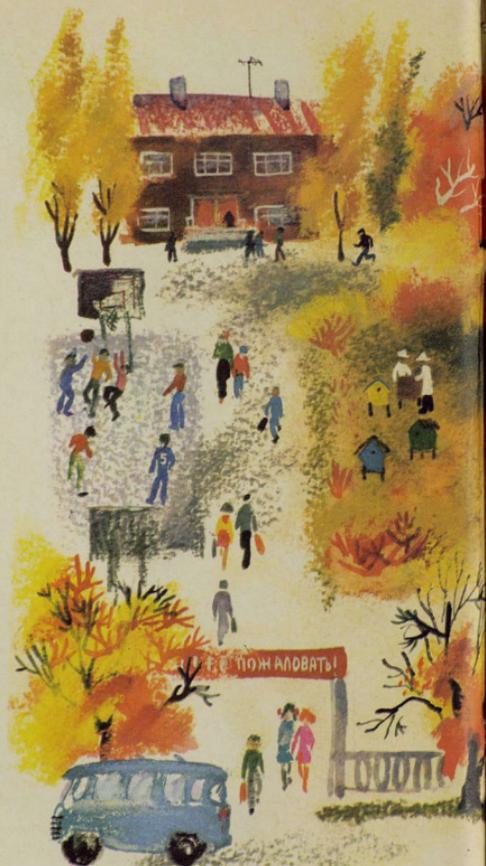
18

**ДВА ДВОРА
РЯДОМ**

58

На обложке
рисунок К. Овчяникова

Рисунки В. Топкова

ТВОЯ ШКОЛА

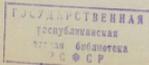
Кончилось веселое и яркое пионерское лето. Окрещений, загорелый, ты вновь собрал в портфель книжки и тетрадки и пришел в свою школу. Начался новый учебный год, полный труда и забот.

С какими мыслями и чувствами шел ты в свой класс первого сентября?

О первоклашках нечего говорить — тут все ясно: счастье, гордость, волнение, первый букетик цветов первой учительнице. А если ты уже в четвертом, пятом, шестом! Может быть, ты бежал в школу радостно, припрыгивая от нетерпения, горюясь поскорее увидеть старых верных друзей, любимых учителей. Может быть, школа стала для тебя вторым родным домом, где каждый день заполнен радостью открытия нового, полезным и интересным трудом, веселым досугом.

А может быть, проснувшись утром, ты с досадой подумал: «Ну вот, опять вставать ни свет ни заря, опять сидеть за надоевшую парту, опять отвечать на опостылевшие вопросы — не забыл ли учебник? Выучил ли урок? Почему не почистил ботинки? Сколько собрал макулатуры или металлолома? И, вообще, когда ты, наконец, станешь человеком!»

Както в редакцию «Костера» мне показали письмо одной шестиклассницы из сельской школы Брянской области. В своем письме она просит прислать ей адрес какой-нибудь девочки из Болгарии, Польши, Москвы или Ленинграда: она хотела бы переписываться

с этой девочкой. Ну, что ж — просьба как просьба, письмо как письмо. Но поразила и огорчила меня в этом письме одна фраза: «Надеюсь, Вы поймете, какая у нас здесь сучища!»

И мне сразу же захотелось спросить Нину С.: «Задумывалась ли ты когда-нибудь — любишь ли ты свою школу? Чем она стала для тебя? Что ты ждешь от нее сегодня и завтра? И что ты сделала для того, чтобы твоя школа была самой-самой лучшей?»

И сразу я вспомнил одну школу, в которой мне посчастливилось побывать. И подумал, что НИКТО из ребят этой школы не мог бы написать такой фразы, какую написала Нина С. Там, по-моему, даже и слова такого «сучка» не знают — такая насыщенная, наполненная интереснейшими делами жизнь кипит у них.

Вот и хочется мне рассказать сегодня об одной школе, куда и первоклашки, и пятиклассники, и даже солидные десятиклассники приходят, как в свой родной дом...

Привольно и широко раскинулся вдоль шоссе большой украинский поселок с ласковым названием Павлыш. Мчатся по асфальту тяжелогруженные трейлеры, могучие самосвалы и легкие «газики», проносятся колхозные трехтонки и пятитонки и рейсовые автобусы, ползут тракторы и бульдозеры, мелькают юркие мотоциклы и нарядные «Жигули» и «Волги». И на окраине села, где нет никаких перекрестков, переходов и светофоров, некоторые из машин слегка замедляют свой бег и протяжно, торжественно и немного пе-

чально сигналият. Здесь, чуть в стороне от дороги, на невысоком зеленом холме, на сером постаменте — бюст из черного гранита. Простое, умное, немного усталое лицо; широко открытые глаза смотрят на шоссе.

Кто же этот человек, которому оставлен памятник на краю украинского села?

Это — заслуженный учитель УССР Василий Александрович Сухомлинский. Бессменно двадцать три года работал он директором Павлышской средней школы.

Василий Александрович был замечательным человеком. И не только потому, что был он академиком и Героем Социалистического Труда, не только потому, что написал более тридцати книг и около шестистот научных статей; не только потому, что знал несколько языков и делал на этих языках доклады на Кубе и в ФРГ, в Чехословакии и других странах; не только потому, что спал он по четыре-пять часов в сутки, а остальное время отдавал работе. Работе с детьми.

«Что самое главное было в моей жизни? — писал Василий Александрович в предисловии к своей последней книге. — Без раздумий отвечаю: любовь к детям».

Во имя этой любви он и писал книги, стал крупным ученым-педагогом, учил и воспитывал детей. И эта же горячая любовь давала ему, израненному в войну, больному и уставшему, силы трудиться самоотверженно и беззаветно до самых последних своих дней.

О В. А. Сухомлинском уже написаны книги и статьи. Ко-

гда-нибудь, я уверен, и вы прочтаете и эти книги и книги, написанные им самим. О нем можно писать и рассказывать еще много и много. Но сейчас я хочу только сказать, что он был Учителем, Воспитателем, Человеком, Коммунистом — с большой буквы. Человеком, с которого нужно брать пример!

И кажется мне, что лучший памятник Василию Александровичу — Павлышская средняя школа. Сейчас эта школа носит его имя и в ней свято хранят его заветы.

Вот она здесь, на том же холме на окраине села, его школа.

Отгороженные от шумного и пыльного шоссе тополями и акациями, за невысоким ажурным из легкого бетона забором среди кустов, елей, березок, виноградунов и плодового сада расположились небольшие постройки из красного кирпича. Целый городок под красными и белыми черепичными крышами. Здесь классные помещения и мастерские, небольшой интернат и гараж, кабинеты и лаборатории, библиотека и оранжерея, музей и уголки труда.

Представляю себе, какая здесь красота весной, когда распускаются розы, буйно цветут вишни и яблони, зеленеет свежая трава. Я-то приехал сюда в октябре. Цветы пожухли, листья на деревьях пожелтели, а кое-какие уже почти опали, трава посерела и примялась. Но все равно здесь было очень красиво, радостно и как-то уютно.

Ну, что ж, — скажете вы мне, — не в одной этой школе красиво и уютно. Во многих сельских школах есть и цветы, и плодовые сады, и уж наверняка во всех школах есть мастерские. Не спорю — все это так. Даже наверное есть в нашей стране много школ, в которых и сады побольше, и мастерские получше.

Но вот если я скажу вам, что, когда Василий Александрович пришел в эту школу в 1948 году, здесь было только

одно полузаброшенное двухэтажное здание, а вокруг лежал поросший репейником пустырь, по которому бегали соседские поросята и козлята, и что почти все веселые и уютные постройки, которые существуют сейчас, возведены руками самих ребят, и что пустырь превращен в цветущий уголок природы усилиями тоже самих ребят, — вы мне поверите? А это так.

И легкие оградки из бетона, которые отделяют пасеку от виноградника, место отдыха от спортплощадки, и даже забор вокруг школы формовали и устанавливали сами ребята. И теплицу-оранжерею, в которой даже зимой цветут хризантемы, строили они сами, и сами выращивают в ней цветы. И пасеку оборудовали сами, и сами ухаживают за пчелами и собирают душистый мед. Виноград раньше в Кировоградской области никто не разводил. А вот они съездили на юг, привезли саженцы и добились того, что их виноградник дает прекрасный урожай.

И вот послушайте, что рассказал мне один четвероклассник:

«Возле памятника нашему дорогому учителю Василию Александровичу Сухомлину на черной гранитной плите стоит золотистый снопок пшеницы, украшенный ярко-красными веточками рябины. Этот снопок поставили мы, ребята, в августе, когда праздновали любимый праздник урожая.

Целый год мы трудились на совесть. Осенью высеели в землю пшеницу на нашей делянке. Каждый день бегали туда смотреть, когда появятся всходы. Наконец, показались тоненькие зеленые росточки. Мы очень радовались всходам. Всю зиму третьеклассники терпеливо укрывали снежным покрывалом наш посев.

Но вот пришла весна, выглянуло солнышко, высушило землю. И пошла расти наша пшеница; что ни день, то выше стебельки.

Ну, а когда пришло время

жатвы — у каждого нашлась работа. Ребята осматривали молотилку, сделанную руками старшекласников, девочки готовили серпы, выкованные тоже в нашей кузнице.

Серпами мы жали пшеницу потому, что наш участок маленький, комбайном туда не заедешь.

И вот хлеб уже в снопах. Быстро мы его обмолотили, провеяли зерно. Оставалось самое главное: зерно смолоть, испечь пироги, каравай.

Ну и хлопот было!

Наконец, 25-го августа собрались возле школы. В саду, на столах красовались испеченный каравай, пироги, хлеб. Чего только не было на наших столах: и алье арбузы, и виноград, и яблоки, и груши, и даже мед со школьной пасеки.

Ребята пели песни, читали стихи, плясали.

А под вечер мы пошли к могиле Василия Александровича и отнесли туда украшенный снопок. Ведь на праздник Урожая наш Учитель очень любил веселиться».

Правда, прекрасный обычай? Ведь надо же было малышам-третьеклассникам и основательно потрудиться. Они и потрудились, и, думаю, им не было скучно.

У ребят немало забот. Тут и помощь колхозу — работа в поле и на фермах. Тут и озеленение, благоустройство родного села. В Саду героев растет уже несколько сотен окрепших дубков. Их посадили ребята: стало обычаем — каждый школьник в день приема в пионеры сажает дубок в этом памятном саду.

«Ну, хорошо, — могут сказать мне, — сад, виноградник, пасека, колхозное поле — это ведь все возможно в деревне».

Правильно. Расскажу вам тогда и про мастерские.

Обратил я внимание на один станочек. Неуклюжий, небольшой сверлильный станочек. Сразу видно — самоделка. Спросил у преподавателя труда. Он улыбнулся:

— Верно угадали. Это первенец нашей индустрии.

Ну, думаю, раз «первенец», значит, есть и «другие». — еще что-нибудь самоделное. Спросил. Андрей Антонович широко повел рукой вокруг.

— Это все нашего производства.

Я, признаться, вначале не поверил, но, когда мне ребята рассказали, в чем дело, — ...просто поразился. Мастерская словно цех не очень большого предприятия. В механической мастерской — несколько токарных станков, есть фрезерные, сверлильные, даже маленький пневматический молот. В столярной — станки строгальные, токарные по дереву, долбежные, фуговальные. Конечно, это не сверхвременные могучие станки-автоматы, нет. Но все они в хорошем состоянии, ухоженные, аккуратно покрашенные, все на ходу и на них вполне можно прилично работать.

И каждый из этих станков не куплен, не подарен заводскими шефами, а от начала до конца сделан руками самих ребят. И сделан не из готовых деталей, а по существу, из бросового материала. На свалках, в кучах разного металлического лома, а то и просто на обочине дороги или в поле искали и ищут ребята куски железных балок — швеллеров, железо и сталь разной формы, болты, гайки, старые шестеренки, словом, все, что может согдаться. Ищут, собирают и, как муравьи, тащат все в школу. Здесь кроют, режут, сваривают, подгоняют, соби-

рают по собственным чертежам и, пожалуйста — целый станочный парк. Разве только то, что уж совсем невозможно сделать в школьных условиях: мощный электромотор или сложный кулачковый патрон, в который зажимают детали, приобретались готовыми.

Мне стала понятна картинка, которую я наблюдал на пустыре, неподалеку от школы. Разбросан там был какой-то ржавый металлический хлам, и по нему «ползали» два парнишки, по-моему, второклашки — не старше. Спрашиваю у них, что они тут ищут. Показывают заржавленные болтики, гаечки, угольники, штифтики.

— Зачем?

— А в школу. Там пригодится, — отвечают так похотливо.

Я подивился. А оказывается, вон оно что — действительно пригодится.

Что еще интересно. Когда еще станут эти парнишки за станок, а уже сейчас, как хозяева школы, заботятся о ее нуждах.

Вообще, меня в этой школе поразила какая-то всеобщая деловая озабоченность. Прямо такой деловитый, живой муравейник. Даже в перемену почти не увидишь здесь уныло слоняющихся — «ручки в брючки» — или просто так носящихся сломя голову ребят. Впечатление такое, что каждый занят своим. И все это без суеты, без криков и ссор.

Напротив гаража около старого, совершенно изношенного грузовика с покореженным прицепом собралась кучка ребят. Обсуждают, как можно восстановить эту разваленную колымагу. Нашли эту «машину» где-то на проселочной дороге: кто-то бросил за ненадобностью, сняв все, что можно было снять. Словом, ничья машина. Вот они взяли да приволокли ее чуть ли не на руках в свою школу и прикидывают, как бы заставить ее опять бегать. И заставят. Тому уже были примеры. Восстановили же такую же пропавшую легковуш-

ку, сделали целиком своими руками автомобиль-малютку, чинят трактора и учатся водить их уже с четвертого класса. Делают же они в своих мастерских и в кружках юных физиков и радиотехников почти все приборы и наглядные пособия. Изчит, и грузовик будет у них бегать.

Это я все о работе да о работе. А как же другие стороны школьной жизни? Ну, тут я должен прямо сказать, что для того чтобы описать все, чем занимаются ребята Павлышской школы, не хватает и половины нашего журнала. Поэтому я только перечислю некоторые факты.

Занимаются павлышане и музыкой, и рисованием, и театром. Прекрасный у них кукольный театр, отличная самодеятельность, любят они петь и плясать. А какие интересные вечера поэзии проводятся в школе! А праздники книги! Есть в школе и литературный рукописный журнал «Творчество», в котором старшкласники помещают свои стихи, рассказы, критические статьи. А у малышей «вышло в свет» уже несколько переплетенных томов сочиненных ими самими сказок.

Любят ребята и военное дело — с увлечением участвуют в «Зарнице».

Дружат с зарубежными школьниками — переписываются с ребятами из Польши и Болгарии. Но самая крепкая многолетняя дружба завязалась у павлышских ребят с ребятами из Кормянской сред-

ней школы-интерната Белорусской ССР. Это оттуда в позапрошлом году привезли они 50 саженцев елочек и 50 березок и посадили их возле школы.

Приезжали к ним в гости ребята из далекой Якутии. А новосибирские школьники работали вместе с ними в летнем трудовом лагере на колхозных полях.

Словом, рассказывать можно очень много. Скажу только одно, что всё, что павлышские ребята не делают, они делают с любовью, с задором, весело и по-деловому.

А о том, как они учатся, говорит хотя бы такой факт. В этой школе нет второгодников и показатели успеваемости очень высоки — здесь даже троечников совсем мало.

Закончить своей далекой не полный рассказ о Павлышской школе я хочу вот чем. Конечно, все хорошее, что делается в этой школе, не происходит по «щучьему веленью». Все это плоды многолетнего упорного труда замечательных педагогов, воспитанных Василием Александровичем Сухомлинским. Это все так. Но хочется мне подчеркнуть, что без вас, ребята, без вашей инициативы, без вашей активности, без вашей помощи ни один даже самый хороший учитель не добьется таких результатов, каких добились в Павлышской школе.

Вот поэтому-то и обращаюсь я к вам с теми же вопросами, которые задал в начале своего рассказа Нине С., стоящей, что у них в школе «такая скучища».

Задумывались ли вы когда-нибудь — любите ли вы свою школу?

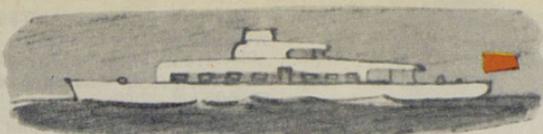
Чем она стала для вас?

Чего вы ждете от нее сегодня и завтра?

Что вы сделали для того, чтобы ваша школа была самой-самой лучшей?

По-моему, сейчас, в начале вашего нового года задумать над этими вопросами самое время.

ЧТО ПОСЕЕШЬ

ПОВЕСТЬ

Вадим Фролов

Рисунки И. Харкевича

Глава 1

Этот Петр Батурин был прямой человек и не умел скрывать свои мысли. Нет, кое-какие мысли он, конечно, умел скрывать. Например, он никогда не высказывал вслух, что он думает об одной... одном человеке. Так же он здорово мог скрывать свои мысли, когда у него случалась какая-нибудь неприятность. Если ему было очень кисло, он мужественно веселился, и все веселились, глядя на него. Только одна... один человек смотрел на него немножко презрительно и как будто говорил: «Веселись-веселись, а я-то знаю, что у тебя кошки скребутся». А он, видя этот взгляд, начинал веселиться еще пуще. Прямо из кожи лез.

Но в остальных случаях Петр Батурин свои мысли не скрывал. Если он считал Ваську Седых бревном и орясиной, то так прямо и резал: «...дурак, ты, Седых, бревно и орясина». Несколько раз он был крепко бит за эту свою прямоту — у Васьки Седых кулаки были подходящие, — но все-таки стоял на своем, и как-то после очередного битья Васька ужасно расстроился и на следующий раз спросил уныло:

— Опять тебя бить, что ли?

— А бей, — сказал Петр беспечно, — тут ума не надо.

И все в классе ужасно удивились, когда Седых на эти слова только рукой махнул и отошел. Так что некоторая польза от Петькиной прямоты была.

Или вот еще. В начале учебного года пришла в класс девочка — тоненькая, с хвостиком на голове, с зелеными глазами и весь нос в веснушках.

— Здравствуйте, — сказала она застенчиво, — меня зовут Алена Братусь, я из 9-го «б» и буду у вас пионервожатой.

Мальчишки молчали, а девочки начали фыркать и пожимать плечами. Потом сразу несколько девочек заверещали:

— А где Боря? Почему не Боря? А мы хотим Борю!!!

Тогда Алена покраснела и расстроилась.

— А кто такой Боря? — запинаясь, спросила она.

Тут уж загудели и мальчишки, а девочки прямо взвились — как так: она не знает Борю! Который! Был! У них! В прошлом! Году! Пионервожатый! Мировой, мировойши парень Боря Синицын. Все ведь ждали — вот откроется дверь, просунется лохматая голова, подмигнет, скажет, не выговаривая букву «р»: «Пгивет, гавгики! После угоков не гасходитесь, дело есть!» И скроется, а после «угоков» придет Боря-Борисиче и с ним даже цветочки сажать или там бумажную макулатуру собирать идешь как на бой или на праздник. А тут эта пичуга с хвостиком!

Оказалось, что Боря Синицын по семейным обстоятельствам уехал в другой город и весь класс отчаянно приуныл и на Алену с ее веснушками не обращал внимания. Она и так, и этак, то предлагала и другое, даже, кажется, плакала потихоньку, но 6-й «б» не поддавался. И однажды она привела в класс старшую пионервожатую Олимпиаду Павловну и в ее присутствии сказала, что больше не может. Олимпиада Павловна тут же начала произносить речь. Хорошую такую речь. Очень чувствительную и довольно сердитую. Она произносила ее довольно долго и, как говорят, «щиторм крепчал», но тут поднялся Петр Батурин.

— У нас был настоящий парень, — торжественно сказал он, — Боря Синицын. Он был для нас, как отец родной и как комиссар. И мы за него и сейчас готовы и в огонь, и в воду, и даже в медные трубы. Он с нами делал что? — обратился Батурин к классу.

— Операция «Бенц!» — крикнул Колька Чупров.

— Опасные походы в любые погоды! — пропичал Жорка Чижиков.

Журнальный вариант повести.

— Танцы! — пропели девчонки. — Современные!

— А хоккей! — это мальчишки.

— А правила хорошего поведения! — это девчонки.

— А самбо и бокс! — это Васька Седых.

— Я не умею в... бокс, — растерянно сказала Алена, и хвостик у нее на голове задрожал.

Тогда Олимпиада Павловна громко крикнула: «Хватит!» — и даже пристукнула ладошкой по столу, но ее никто не послушал.

— И после всего этого, после нашего старшего друга и товарища, нашего комиссара, который проявил ини... как это... инициативу и который любил нас, как своих братьев и сестер. Младших. После этого! Нам! Непобедимому и непромокаемому! — Батурин ударил себя кулаком в грудь и прислушался, как она гудит. — Нам, гвардейскому 6-му «б», нам, у которых... которые... которыми... Нам присылают, — он сделал широкий жест в сторону Алены, — вот ее! Не пойдет!

Все зааплодировали. Алена Братусь пулей вылетела из класса. Но Олимпиада Павловна, как ни странно, успокоилась.

— Ты кончил, Батурин? — что-то уж слишком спокойно спросила она.

— Я кончил, — с достоинством ответил Петр. — Благодарю за внимание! — И пошел на свое место.

Все были потрясены. Почти все. Кое-кто довольно насмешливо улыбался. Кое-кто не считал Петра Батурина таким уж мужественным. И как мы увидим несколько позднее, этот «кое-кто» не так уж ошибался... ошибалась, пожалуй, так будет правильней — «ошибалась».

— Ну, раз ты кончил, Батурин, — спокойно сказала старшая пионервожатая, — ты сейчас выйдешь из класса, пойдешь по коридору налево, спустишься в сад, пойдешь по главной аллейке до конца, повернешь направо, зайдешь в беседку и, если ладше ты не будешь знать, что делать, я перестану тебя уважать.

Батурин удивился, но виду не показал — это было не в его правилах.

— Что я там не видел? — спросил он.

— Иди, иди, — ласково сказала Олимпиада Павловна.

Пожав плечами, Батурин вышел. Класс был несколько обескуражен.

— Зачем вы его туда послали? — спросил кто-то из девчонок.

Олимпиада Павловна улыбулась.

— Он вернется и все расскажет. Подождем.

А вы пока подумайте о правилах хорошего тона.

Все стали думать, а через пять минут вернулся Батурин. Почему-то он был красный, как спелый помидор.

Старшая пионервожатая с любопытством посмотрела на него, но Батурин как воды в рот набрал.

— Что там, за беседкой? — свистящим шепотом спросил Кешка, по прозвищу Фигус.

— Можно я не буду говорить? — спросил Петр у Олимпиады Павловны.

— Как хочешь, — сказала она и усмехнулась.

— Раз уж ты такой храбрый, — сказал, нет, сказала кое-кто, — так скажи. Или ты только притворяешься храбрым?

Батурин взял себя в руки. Гордо и спокойно он посмотрел прямо в синие глаза Наташи Орликовой.

— За беседкой была... эта Алена... как ее, Братусь, — сказал он.

Класс ахнул. И хором спросил:

— Ну, и?

— Она плакала, — мрачно сказал Батурин.

Класс снова ахнул.

— А ты?

— Я... — Петр Батурин мужественно проглотил слюну. — Я извинился.

Класс ахнул в третий раз. А кое-кто... да, ладно, теперь вы знаете, кто это. Словом, Наташа Орликова как-то странно посмотрела на Батурина.

История с Аленой Братусь, к сожалению, на этом не кончилась. Не так-то все просто в жизни, и если вы думаете, что после этого случая отношение к Алене в этом непобедимом и непромокаемом классе сразу изменилось, то глубоко ошибаетесь. Но из этой истории можно сделать вывод, что мужественность и прямота характера Петра Батурина имеет свои плюсы и свои минусы. Правда, в данном случае довольно трудно понять, чего тут больше — плюсов или минусов. Но вот я расскажу вам еще об одном происшествии, в котором, по моему, были сплошные минусы, и вы поймете, почему многие взрослые и многочисленные люди, когда речь заходила о Петре Батурине, почти всегда говорили:

— Ох уж этот Петр Батурин!

Классным руководителем в 6-м «б» была преподавательница литературы Римма Васильевна Гарбузова. Учительница она была, в общем-то, хорошая. Правильно и интересно учила. И те, кто хотел, тот хорошо и учился. А Петр Батурич, например, считал, что литература ему вовсе ни к чему. А так как Римма Васильевна была человеком добрым и даже немного робким, он лоботрясничал.

И вот однажды Петр Батурич в который раз не приготовил урок. И Римма Васильевна в который раз огорченно сказала «ох уж этот Петр Батурич» и нерешительно собралась поставить двойку.

Батурич усмехнулся и сказал:

— Двойку? Это несправедливо.

Римма Васильевна ужасно удивилась и расстроилась от такой наглости.

— Но ведь ты же ничего не знаешь, Петя, — сказала она.

— А я и не собираюсь, — спокойно сказал Петр Батурич. — Зачем мне, например, знать, куда там собирается веший Олег или в какую героиню влюбился какой-то герой и зачем он влюбился. Зачем мне это знать, когда я, скажем, изобретателем буду. Или подводником. Или слесарем.

Весь класс слушал затаив дыхание.

— А ты что же, считаешь, что культурный человек... — волнуясь, начала Римма Васильевна, но Батурич не дал ей говорить.

— Знаю, — сказал он довольно невежливо, — это я все знаю. Вот я вас только спрошу... И если вы мне ответите — тогда можете двойку ставить. Справедливо?

— Н-ну, спрашивай, — удивленно сказала Римма Васильевна.

— Что такое «победит» и где он применяется? — спокойно спросил Батурич.

Римма Васильевна совсем растерялась. В классе стояла такая тишина, что было слышно, как сопит на задней парте Жорка Чижиков, уткнувшись в детективную повесть. Потом Римма Васильевна вздохнула и просто сказала:

— Не знаю, Петя. К стыду своему, не знаю.

— А вам и не надо этого знать. Вы литературу преподаете. А мне надо — я и знаю.

— И все-таки двойку мне придется тебе поставить, — с сожалением сказала Римма Васильевна.

— Ставьте, — безразлично сказал П. Батурич, — только, значит, несправедливый вы человек.

Римме Васильевне стало плохо, и она ушла из класса.

Последствия? А как вы думаете, какие тут могут быть последствия? Плохие, конечно. Писем и прочее. Римма Васильевна простила — она добрая. А вот педсовет решил вызвать Петькиных родителей, а самому Петру дать строгое предупреждение.

Вот тут в самый раз рассказать о Петькиных родителях.

Родители у Петьки были не то чтобы очень знаменитые, а просто уважаемые. По-моему, вполне подходящие были родители.

Мария Ивановна, вроде бы, и ничем особенно не отличалась — работала ткачихой на новом комбинате и кормила и «обихаживала» своих двух мужиков — Степана и Петра. А о Степане Александровиче — Петькином отце — стоит сказать особо. Ему было около сорока, но он еще играл в футбол за сборную цеха. А совсем недавно играл за сборную завода. А еще раньше, когда был помоложе, входил и в сборную города. Сейчас он, конечно, играл не так уж здорово, но цеховую команду выручал. Команда была слабоватая, игроков не хватало, и он еще довольно неплохо играл в защите. Некоторые посмеивались — вот, мол, «старикашка» будущую славу забыть не может, но те, кто Степана Александровича знал, те не смеялись, те уважали.

— Степан, когда надо, — говорили они, — всегда выручит. Он такой.

Еще Батурич-старший отчаянно любил рыбалку. Сам мастерил всякие хитрые снасти и

знал наизубок повадки всех рыб. Сутки мог он просидеть на реке, независимо от улова. У него по рыбной ловле была даже целая библиотечка, и с ним советовались самые заядлые рыбаки.

Батурин-старший работал токарем. Как поступил после ремесленного училища на машиностроительный, так по сей день там и остается.

С образованием у него было слабовато. После ремесленного нигде и не учился, разве только на курсах каких-то.

— Ну и что? — говорил он. — Так уж получается. Работают-то я как надо.

И это было правдой — работал он хорошо. Степана Александровича уважали и на заводе, и в городе. И, конечно, жену его Марию Ивановну — Петькину маму — тоже уважали.

И представляете, как она огорчилась, когда ее и Степана Александровича вызвали на педсовет и заявили, что их единственный и любимый сын Петр — лоботряс и невоспитанный человек и не выгонят его из школы только из уважения к ним.

Мария Ивановна была человеком добрым и веселым, но в этот раз она так расстроилась, что не удержалась и дома вlepила Батуриному-младшему хо-о-оршую затрепину. Петр страшно удивился, но благодарно промолчал, чтобы не схлопотать еще, а Степан Александрович поморщился и ушел в другую комнату. Уже потом, наедине, он сказал Марии Ивановне, что зря она так, что Петька все-таки человек и не стоило бы... Но Мария Ивановна очень рассердилась.

— Ты в футбол гоняешь до старости лет и рыбку ловишь! И тебе наплевать, что у тебя сын лоботряс... невоспитанный, — сказала она и заплакала. — А я вас обуваю, обшиваю, кормлю и еще воспитывать должна. А тут слушай такое...

Степан Александрович ужасно устыдился. — Ты, Маша, того... не сердись и не плачь, — сказал он смущенно. — Петькой я займусь. Это верно ты говоришь — мало я им занимался, но ты не сомневайся: я ему покажу где раки зимуют!

— Правильно, Степа, покажи, — сквозь слезы сказала Мария Ивановна. — Он ведь хороший, только отец на него мало внимания обращает.

— Я обращаю! — твердо заявил Батурин-старший. — Я так обращаю, что он у меня...

— Вот это не надо, Степа, — рассудительно сказала Мария Ивановна, — он ведь все-таки человек.

Я так подробно передаю этот разговор, потому что мужественный Петр Батурин его слышал. Нет, он не подслушивал специально, а просто так получилось — он в это время стоял за дверью и переживал, ну, и услышал, что о нем говорят.

Судьба Виктора Пискарева была определена на много лет вперед. Все было расписано, как по нотам, или, как говорят сейчас, запрограммировано. И проклятый вопрос «кем быть» перед ним не стоял.

— Он будет работником умственного труда, — решительно заявила мама уже через несколько дней после появления Витеньки на белый свет. — Посмотрите на его лоб. — говорит она всем, кто склонялся над его лыжиной. — Такие лбы бывают только у ученых!

— По-моему, лоб как лоб... так себе, — возражал Пискарев-папа, правда, не очень уверенно. И, заметив негодующий мамин взгляд, добавлял примирительно: — А впрочем, чем черт не шутит — вот лысина у него действительно, как у ученого, профессорская лысина.

Словом, с самого рождения и по нынешний день вся жизнь Виктора Пискарева вписывалась в железные рамки мамини программы. Ученый и никаких гвоздей! Хоть ты лопни! Никаких сомнений на этот счет у Витиной мамы не возникало. Если, например, в первом классе Витя вдруг получал двойку по такому важному предмету, как начертание палочек и крючочков, мама говорила, что у всех ученых всегда был, есть и будет плохой почерк — им не до почерка, им надо делать великие открытия, а палочки и крючочки пусть красиво пишут девчонки или художники. А когда Витенька уже в шестом классе вдруг получал двойку по географии или, скажем, по математике, мама говорила, что в истории отечественной и иностранной науки были, были, были такие случаи, когда некоторых даже исключали из школы или из института за неуспеваемость, но они все же становились потом очень, очень, очень известными учеными. Просто отдельные преподаватели ЗАВИДОВАЛИ гениальности отдельных своих учеников, а потому и придирались к ним всячески.

В общем, для Серафимы Аристарховны — Витиной мамы все было ясно. Не ясно было только одно: в какой именно науке проявит Витенька свою гениальность. Ну, да это не так уж важно — лишь бы проявил. И Пискарева-мама старалась вовсю. Она без конца советовалась со всеми знаменитыми докторами. Поэтому у Витеньки была не просто еда, а «рацион питания». И кормили его не пирогами и пышками, а жирами, белками, углеводами, витаминами и калориями, причем в строгих пропорциях. А вместо обыкновенного распорядка дня у Вити был строго научный режим, да такой железный, что даже терпеливый и послушный Витенька иногда волком вил в свою подушку.

Насчет занятий я уж и не говорю. Сами понимаете, что заниматься Витеньке приходилось как зверю, и ни на какие другие дела

у него времени совсем не оставалось. Какой там хоккей или поход! Какие там рыбалки! Единственно, что разрешила ему Серафима Аристарховна — это заниматься в музыкальной школе по классу фортепьяно. И то только потому, что она слышала, что многие ученые играли на рояле или на скрипке — для отдыха после научных трудов.

Ну, ладно, если бы Серафима Аристарховна воспитывала таким манером только своего ненаглядного Витюню. Хуже другое — она считала своим долгом агитировать всех соседок, у которых имелись свои Вани, Петя и Васи.

Соседки слушали умные речи Серафимы Аристарховны, ахали и охали. Их начинала мучить совесть и грызть черная зависть, и они бежали домой жучить своих неразумных потомков и ставить им в пример гениального Витеньку Пискарева. Безалаберные потомки бунтовали и не поддавались. Из-за этого в доме № 13 происходили бои местного значения, после чего неразумные потомки мчались играть в футбол, или на реку, или еще куда-нибудь.

А Серафима Аристарховна говорила озадаченным соседкам:

— Это точно, что в нашей стране все профессии нужны и почетны. И я готова пожать руку, скажем, любому грузчику, я уж не говорю о таком замечательном токаре-новаторе

как уважаемый Степан Александрович, — и она кланялась слегка в сторону Марии Ивановны, которая, увы, тоже слушала ее. — Или, например, работнику сферы обслуживания (легкий поклон в сторону бабки Авдотьи, у которой внучка торговала пивом). Все это совершенно справедливо, — продолжала С. А. Пискарева. — Но! В наш век технической р-р-революции и научного пр-р-прогр-пресса! Кто? Является? Самым? Главным? В нашем? Обществе? Кто? Я вас спрашиваю!

Соседки виновато опускали головы: они, честное слово, не знали, КТО? ЯВЛЯЕТСЯ? САМЫМ? ГЛАВНЫМ???

— Без ученых, — торжественно возглашала Серафима Аристарховна, — в наш в-э-эк ни хлеба не испечь, ни в небо не взлететь. Вот так-то! И потом, — тут она несколько понижала голос, — сейчас в газетах пишут, что в хорошей жизни большую роль играет и материальный фактор, то есть, попросту говоря, денюжки. А уж ученый!.. — и она разводила руками, дескать, чего уж тут говорить, сами понимаете.

Соседки кивали и смотрели на один из балконов третьего этажа, где проживал профессор Орликов со своими многочисленными домочадцами.

— Ага! Мог бы он такую ораву кормить, если бы не...? — свистящим шепотом говорила

С. А. Пискарева. — То-то! И, наконец, что еще очень важно. Мы трудились всю нашу жизнь, не разгибая спины и не покладая рук. Так что ж, когда теперь наши дети имеют все возможности, чтобы учиться, они должны вкалывать, как мы, ишачить, как мы?! Нет уж!

Автора могут спросить: чего он так распространяется про эту самую Серафиму Аристарховну? Беда в том, что речи С. А. Пискаревой на некоторых мамаш очень даже действовали. Не на всех, конечно, но, например, на добрую Петькину маму — Марию Ивановну Батурину — эти грозные и сладкие речи, к сожалению, подействовали.

И вот однажды после очередной беседы с С. А. Пискаревой Мария Ивановна пришла домой и сказала сыну своему Петру:

— Ты лоботряс! Чем ты целый день занимаешься? В школе — одни троечки. Дома — всю квартиру каким-то металлом загваздал. Сам — посмотри на кого похож, — руки не отмыть, нос в саже. Все дети как дети, кто на пианино играет, кто задачки решает, а он нос в сажу сует. Другие дети знаменитыми учеными будут, а он хочет... как отец всю жизнь... вкалывать и... ишачить!

Петр Батурин поперхнулся куском пирога и, вытаращив глаза, посмотрел на свою маму. Такие странные слова он слышал впервые...

— Ты, мам, что? Заболела, что ли? — удивленно спросил он.

— Заболела?! — Мария Ивановна даже руками всплеснула. — Да как ты с матерью разговариваешь?! Я тебе покажу «заболела»! Я тебе покажу, как не вовремя пироги лопать. Калории и углеводы у меня лопать будешь!

Вовремя! И чтобы... этого... металлолома духу в квартире не было!

И что тут началось! Из Петькиной комнаты и из кладовки в переднюю полетели болты и гайки, велосипедные колеса и какие-то винты, железо разного профиля, клещи и плоскогубцы, молотки и паяльники, банки, склянки и жестянки. Грохот и лязг стоял такой, что сверху и снизу прибежали соседи и с изумлением наблюдали, как уже из передней на лестничную площадку летели упомянутые выше предметы, а Петр Батурин то, как вратарь, пытался поймать какую-нибудь банку, то, как боксер, увертывался от летящей в него жестянки.

Перекидав весь этот металлолом, Мария Ивановна в сердцах захлопнула дверь перед самым Петькиным носом. Соседи разошлись. На площадке остался Петр, который с обалделым видом почесывал себе затылок, да профессор Орликов, спустившийся с третьего этажа. Петр тяжело вздохнул, но тут же принял суровый и гордый вид.

А профессор Орликов нагнулся и начал что-то выискивать в куче весьма полезных вещей, выкинутых на площадку.

— Ага, вот, — сказал он и разогнулся, держа в руках паяльник, — не одолжишь на пару дней паяльничек, Петя? Мой перегорел.

— Пожалуйста, — довольно мрачно сказал Петр и тяжело задумался, куда же, в самом деле, девать теперь все эти сокровища.

Он и сам не заметил, как вслух сказал:

— В металлолом, что ли, сдать?

— Ни в коем случае, Петя, — серьезно сказал профессор, — ни в коем случае. Этакое богатство...

Потом тряхнул своей богатырской гривой и сказал:

— Безвыходных положений не бывает. Пошли, юноша.

— Куда? — удивленно спросил Петр.

— Ко мне, конечно. Поищем временную территорию для... гм... склада. Пошли.

— Нет, — быстро сказал Батурин, — к вам — нет.

Профессор внимательно посмотрел на Петра.

— Так ведь у нас никто не кусается.

— А я и не боюсь, — буркнул Батурин.

— Тогда пошли.

— Нет, — опять быстро сказал Батурин.

Профессор Орликов вздохнул свою могучую гриву и присел на ступеньку. В это время жена профессора поднималась по лестнице с продуктовой сумкой.

— Венчик, — удивленно сказала она. — Что ты тут делаешь?

— А, Лизок, — обрадовался Вениамин Вениаминович, — скажи, пожалуйста, у нас в кладовке найдется немного места?

Елизавета Николаевна покачала головой и улынулась.

— Откуда же, — сказала она, — когда там чуть не дюжина автомобильных колес, задний мост и, как его... карданный вал. А что случилось? — она с любопытством оглядела груды предметов, громоздящихся на площадке.

— Да вот, — горестно сказал профессор Орликов, — надо товарища выручать. Из него наверняка знаменитый изобретатель выйдет.

Петр Батурич встрепнулся:

— А вы откуда знаете?

— Судя по неприятностям, которые на тебя свалились. И судя по тому, как ты их переносишь, — ответил профессор. — Вспомни: Рудольфа Дизеля, который изобрел мотор, чуть не довели до сумасшедшего дома, тульский Левша, который блоху подкова, тоже всю жизнь мучился, а великого ученого Джордано Бруно даже на костре сожгли...

Петр удивленно уставился на профессора. Елизавета Николаевна смеялась, а профессор, став в позу, продолжал своим могучим басом:

— Таких примеров в истории, к сожалению, тьма, но они говорят о том, что великие люди не боялись трудностей. Итак, что мы будем делать, Лизок? Не дадим погибнуть великому самоучке-механику?!

— Нет, конечно, — сказала Лизок. — Заводка ты свой драндулет, если заведется, забирайте это бара... эти штуки и поезжайте на реку к дяде Веретею. У него там хороший сарайчик есть.

— Ты гений, Лизок! — закричал профессор Орликов. — История тебя не забудет. Итак, я пошел заводить свой драндулет, как непочтительно выразилась моя супруга, а вы, юноша, таскайте пока свои материальные ценности вниз.

— А... — начал было Батурич, но профессор не дал ему договорить.

— Вопросы потом, — сказал он, — сейчас за дело.

И он загрохотал вниз по лестнице.

Елизавета Николаевна отправилась домой, а Петр ухватил пару велосипедных колес и, кряхтя, понес их вниз. И только он все перетаскал к подъезду, как, лязгая, громыхая и скрежеща, притащилась старенькая рыженькая профессорская «Победа». Вениамин Вениаминович вылез и, отдуваясь, сказал:

— Ну, Иван Кулибин, прошу...

...Профессор лихо крутил баранку, Петька сидел рядом с ним, сзади грохотали всякие банки, жестянки и железяки.

— Имей в виду, — говорил Вениамин Вениаминович, — за идею нужно бороться. Я вот

за эту идею, — он постучал ногой по полу машины, — ох, как долго боролся! И меня, брат мой, тоже долго не понимали и ставили палки в колеса. Вся моя веселая семейка ставила мне палки в колеса. А я был тверд и настойчив. И вот, — он опять постучал по полу ногой, — собрал. Сам. Можно сказать, из старья. Но вот этими руками! — тут профессор оторвал руки от баранки и поднял их вверх, а машина вильнула в сторону.

— Ну-у! — крикнул профессор Орликов, схватившись за руль. — Ну-у! Валу! Керосинка ржавая!

Он помолчал немного, потом, покосившись на Петра, спросил:

— А ты чего мастеришь, если не секрет?

Тут Петр Батурич несколько замялся.

— Придумал я тут одну штуку, — нехотя сказал он.

— Ну? — с интересом спросил профессор.

— Да нет, это так... — Петр махнул рукой и вздохнул, — мечта.

— Так это же прекрасно! — закричал профессор Орликов. — Что может быть прекраснее мечты?! Надо превратить ее в действительность! — только и всего.

— Да, только и всего, — уныло сказал Петр. — А как?

— Это уже другой вопрос. — серьезно сказал профессор. — Давай посоветуемся.

Надо сказать, что профессор Орликов нравился Петру Батуричу. Работал профессор как вол. И, несмотря на это, у него хватало времени возиться со своей «Победой», ходить со своим семейством в разные походы и даже петь в хоре Дворца культуры.

Он был довольно молодой, толстый, веселый и громогласный, как духовой оркестр. По утрам он вылезал на балкон в застиранных тренировочных брюках и прочищал горло — пел свои любимые песни и разные арии из опер. Из арий он особенно любил «На земле весь род людской...» из оперы «Фауст». Он исполнял ее с большим чувством и таким могучим басом, от которого дребезжала посуда в сервантах соседей. Эту арию он исполнял, когда у него было хорошее настроение. И когда его одолевали разные семейные заботы. Этих забот у него было, как говорят, «вагон и маленькая тележка», так как семейка у него была — ого-го! Ничего себе семейка — целая орава, как говорила уважаемая С. А. Пискарева.

В этой семейке были: а) сам профессор Орликов, б) его жена — Елизавета Николаевна, в) три дочки, г) три сына. Причем, старший сын и средняя дочка родились в одно время, средний сын и младшая дочка — тоже были близнецами. Младший сын еще ходил пешком под стол, а старшая дочка уже училась на первом курсе института.

Были еще две престарелые тетки, какие-то родственницы не то профессора, не то профессорши — тетя Пуся и тетя Гуся. И тем не менее многочисленное Орликовское семейство было на редкость веселым и неунывающим.

Петр Батуриин — это, пожалуй, уже для вас не тайна — центром семьи профессора Орликова безусловно считал его среднюю дочь, безывестную вам Наташу. Впрочем, он считал ее центром не только семьи... И, конечно, был уверен, что об этом никто не догадается.

Вот почему настроение у него, когда он ехал в машине и разговаривал с Вениамином Вениаминовичем, было какое-то странное. С одной стороны, он радовался, что сам профессор с ним запросто беседует, да еще и помогает, а с другой стороны, гордость его заедала. Из-за этой проклятой гордости он начисто отказался посвящать профессора в свои дела.

— Ну, как хочешь, — сказал профессор Орликов, — тебе виднее. Но имей в виду — сейчас не тот век, когда открытия делают гордые одиночки. Сейчас, брат, все коллектив решает... Однако, знаешь поговорку: «Плох тот солдат, который не мечтает быть генералом»?

— А я еще и не солдат, — сказал Петр.

— Вот это уже плохо, — серьезно сказал профессор Орликов. — Кто же ты?

— Я? — удивленно спросил Батуриин. — Будто не знаете. Я в шестом классе учусь еще.

— Не «еще» надо говорить, а «уже». Уже в шестом классе! В шестом классе УЖЕ надо знать, кто ты есть и кем собираешься стать.

— Ну, это я знаю, — твердо сказал Петр Батуриин.

— Значит, кто ты? — строго спросил профессор.

— Че... человек, — не очень-то уверенно ответил Петр Батуриин.

— Ну, допустим. А кем будешь?

— Человеком.

— Это обязательно. А вот дело, дело-то какое делать будешь? Я вот, — тут профессор усмехнулся, — я вот уже в четвертом классе решил, что стану... хм... ученым. И стал, как видишь.

— Вот вы насчет чего... Есть у меня одна идея. Только пока — помолчу, — скромно сказал Петр Батуриин.

Профессор посмотрел на него с любопытством и сказал:

— Идея — это хорошо.

Некоторое время они ехали молча.

— А куда вы меня везете? — спросил Батуриин.

Тут профессор очень оживился.

— О-о-о, — закричал он, — это та-а-акой, знаете, замечательный дед! Увидишь.

И тут они приехали. На самом берегу реки среди высоченных сосен стоял небольшой до-

мишко. Не то чтобы очень старый, но и не очень новый, однако довольно крепенький. Заборов никаких не было, только рядом с невысоким крыльцом стояла собачья будка, а подалее от воды небольшой сарайчик. К воде вели новые мостики, и к ним была причалена отличная просмоленная лодка.

Из будки вылезла огромная лохматая белорыжая собака. Потянулась, зевнула, показав страшные зубищи, и два раза хрипло гавкнула. Мужественный Петр Батуриин сунулся назад в машину, но профессор Орликов придержал его за плечо.

— Здорово, Лапоть, — сказал он собаке и повел Петра к ней навстречу.

Лапоть лениво помахал хвостом-парусом и спокойно подошел к ним. У Петра Батуриина поджилки затряслись, но виду он не подал. Лапоть не обратил на него никакого внимания и вежливо поздоровался с профессором.

— Дед Веретей дома? — спросил профессор у собаки.

Лапоть гавкнул и улегся у ног Вениамина Вениаминовича.

— Нет, значит, — сказал профессор, — если бы дома был, Лапоть бы сразу за ним побежал. Обидно, — он посмотрел на часы. — А у меня уже времени нет. Ну, ничего. Давай твои сокровища выгружать. Ты, если не торопишься, дождись деда.

Они быстро разгрузили машину. И Петр усадился на пенек ждать деда Веретей.

Перед тем как уехать, профессор сказал:

— В сараюшке у деда мастерская. Он на все руки мастер. И вообще, как это у вас говорят, «потрясный» дед. Только говорлив малость. Ужас, какой болтун. Это первое. А второе вот что: ты бы как-нибудь забрел ко мне. Мы бы с тобой потолковали. У меня к тебе, вроде, дело одно наклеивается. Ну, давай лапу.

Он влез в машину, но тут же высунул голову из окна:

— Слушай-ка, — сказал он безразличным тоном, — мне Наташка про одного парня из класса рассказывала, что он математику и физику еще кое-как учит, а вот ботанику или там литературу совсем не признает. Дескать, не нужны они ему начисто. Есть у вас такой чудак?

Петр Батуриин проглотил слюну и мужественно промолчал.

Машина фыркнула синим дымком и утащила тела.

Лапоть неодобрительно посмотрел ей вслед, встал, потянулся, подошел к Петру и улегся рядом с ним, уткнув голову в лапы. А Петр Батуриин принялся размышлять. И размышлял он по следующим вопросам:

— С чего это маманя вдруг обрушилась?

— Почему профессор Орликов решил ему помогать?

— Какое к нему дело наклеивается у профессора?

— Идти к профессору или нет?

— Что еще сказала Наталья Орликова своему папе про... того парня, которому литература начисто не нужна?

— И какого лешего он ляпнул про идею кату-до?

Думал он обо всем этом, конечно, не по порядку, а сразу обо всем. И поэтому в голове у него была порядочная каша. Из этой каши Петр Батуриин сумел выловить, пожалуй, только пару более или менее разумных мыслей. Первая — к профессору Орликову он пойдет, и пусть там хоть Наташа, хоть Разнаташа.

И еще. Про идею он ляпнул вроде бы нарочно, так сказать, наусупротив. Профессор с четвертого класса мечтал быть ученым. Витенька Пискарев уже сейчас знает, что будет ученым. Васька Седых хочет штурманом быть. Жорка Чижиков — космонавтом. Таська Бублянская — поэтом. Оля Зубавина — доктором. Наталья Орликова — знаменитой балериной. И даже Кешка Фикус — послом в какой-нибудь зарубежной стране. Тоже мне — профессора, поэты, дипломаты!

Вы, уважаемый профессор Вениамин Вениаминович, наверно, думали, что я и впрямь скажу что-нибудь такое же? Дудки! Тем более — идеи-то никакой и не было.

Тут пришел и сам дед Веретей. Он как-то неожиданно появился откуда-то и встал перед Петром Батуриным и уставился в него маленькими острыми глазками, еле видимыми из-под бровей. Сивый, обросший, как замшелый пень, низенький, но плечи! — в дверь наверно только боком проходит, руки чуть не до колена, и каждая как хорошая лопата. Стоит, молчит и смотрит. У левой ноги сидит собака Лапоть, а справа — здоровущий бело-рыжий кот откуда-то взялся. И тоже смотрит.

Так они молчали-молчали, а потом будто железо ржавое заскрежетало. Это дед Веретей спросил:

— Кто такой?

— Э-э... — сказал Батуриин.

Дед кивнул и пошел в дом. Собака Лапоть и кот отправились за ним, а Петр Батуриин встряхнулся и тоже пошел к дому. Как же все объяснить? Но объяснять ничего не пришлось. Дед Веретей, похоже, умел читать чужие мысли и видеть насквозь.

Не успел Петр пойти до дома, как дед Веретей появился на крыльце, спустился, подошел к Петькиным драгоценностям и внимательно посмотрел на них. Потом пошел к сарайчику, открыл дверь и мотнул головой Петру — таскай, дескать. Батуриин схватил пару железяк, сунул их в дверь сарайчика и ахнул. Это была мастерская. Да какая! От восхищения и зависти у П. Батуриина, как го-

ворят, «в зобу дыханье сперло». Он уронил свои железяки и встал, как вкопанный, открыв рот. Дед стоял рядом и довольно сопел. Потом он ткнул рукой в свободный угол, где стоял небольшой верстачок, а под ним пустой ящик, и ушел. А Петр мелкой рысью начал носиться взад и вперед, аккуратно сортировал, укладывал и развешивал свои инструменты и материалы. Очень аккуратно, потому что иначе нельзя было: у этого замшелого деда в сараюшке были порядок и чистота.

Пес Лапоть лежал на крыльце и внимательно наблюдал, как бегает Петр. Дед Веретей высунул голову в дверь и что-то буркнул. Тут П. Батуриин даже споткнулся от удивления. Лапоть встал, подошел к груде материалов, взял в зубы какую-то штуковину и понес не спеша в сараюшку. Так вдвоем они все и перетаскали.

Петр прикрыл дверь и присел на пенек, вытирая пот. Дед поманил его из окошка. Петр в сопровождении Лаптя зашел в избу. Это и верно была скорее изба, чем дом. Сени просторные и одна большая комната с русской печкой. Лавки по стенам и некрашенный стол в углу. Вот и все. Кровати не было, видно, спал дед на печи.

На столе лежал большой кусок хлеба и стояла поллитровая банка с простоквашей. Дед опять мотнул головой, и Петр, решив уже ничему не удивляться, с аппетитом слопал и хлеб и простоквашу.

Дед сидел на лавке, положив ручки на колени, и с интересом смотрел на Петра.

— Спасибо, — сказал Петр.

Дед молча кивнул.

«Ну и разговорчивый дед, — подумал Батуриин, — ужас, какой болтливый...»

И тогда дед спросил:

— Винаминыч тебя, что ль, приволок?

Петр кивнул.

— Как звать? — проскрипел дед.

— Меня-то? — спросил Петр.

Дед кивнул.

— Петя, — сказал Батуриин. — А... а вас?

В самом деле, не может же он этого деда просто Веретеем звать. В горле у деда что-то забулькало, заскрипело, а глазки сверкали за сивыми бровями. «Смеется», — догадался Петр и сам тоже засмеялся почему-то. Так они посмеялись немного, и дед Веретей сказал, ткнув пальцем себя в грудь:

— Веретей.

— А по отчеству? — вежливо спросил Петр.

— Веретей, — упрямо сказал дед и ткнул пальцем в кот: — Это Тюфяк. А тот, — он мотнул головой в сторону собаки, — Лапоть.

Они еще поговорили чуток, и Петр отправился восвояси.

— Приходи, — сказал ему на прощанье сказочный дед Веретей.

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Н. Некрасов

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.

Полумрак на все ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!» — привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит...

1846

Рисунок М. Басмановой

Я впервые прочла это стихотворение в детстве, и помню, что оно мне понравилось. Казалось даже странно, что Некрасов, тот самый Некрасов, у которого есть «Мороз, Красный Нос», «Русские женщины», «Железная дорога», «Генерал Топтыгин», — написал такое «неинтересное» стихотворение. «Ну, осень, ну, природа. Холодно, скучно, ничего не происходит», — думала я тогда.

Я привыкла встречать в стихах и поэмах Некрасова интереснейший сюжет, захватывающие события. Этого я ждала и от стихотворения «Перед дождем» — и напрасно ждала! Я и не подозревала в те дни, что это стихотворение нужно читать совсем иначе, чем настоящее его содержание спрятаю глубоко «внутри»...

Однажды, много лет спустя, я сызнова перечитала это стихотворение. На дворе был пасмурный ноябрьский день, ветер завывал и посвистывал в трубах. Мне вспомнилось, что у Некрасова в стихотворении «Перед дождем» сказано как раз о таком вот тоскливом завывании осеннего ветра. Открываю книгу, читаю — ни слова о том, что ветер завывает и посвистывает. Просто написано: «Занувный ветер гонит стаю туч на край небес». Но ведь завывание и посвист ветра слышны в самих звуках этих строчек — стоит только прислушаться! Читаю дальше: «Ель надломленная стонет». Да, это правда, я это слышала прошлой осенью в лесу: сломанное дерево резко и однообразно поскрипывало, постанывало на опухе. И конечно, я видела, как «на ручей, ярой и пестрой, за листком летит листок». Листьев падало так много, что течение ручья замедлилось, а листья все были желто-розовые, с загнутыми от холода краями. Оказывается, Некрасов заставил меня увидеть и услышать, а вернее — предста-

вить даже больше, чем у него написано. Стихотворение небольшое, строчки коротенькие, но за ними — целая картина поздней осени. Почему же так получается?

Наверное, прежде всего потому, что поэт любит эту уютную, скудную осеннюю природу. И еще потому, что он как бы присутствует в ней сам — со своими мыслями, чувствами, настроениями. Ведь чувствуется, что на душе у поэта так же невесело, как и кругом. Его настроение совпадает с «настроением», состоянием природы. И неизвестно, что от чего произошло: то ли тоскливый осенний пейзаж нагнал на поэта грусть, то ли наоборот — его собственная тоска заставила его увидеть осень такой угрюмой и печальной. Ведь вот в другом стихотворении, в «Железной дороге», Некрасов пишет об осени совсем не так: «Славная осень! Здоровый, ядреный воздух усталые силы бодрит».

Душевная связь с родной природой помогает поэту быть таким зорким, правдивым и точным. Он находит самые необходимые, обязательные слова. Как-то раз, читая роман «Братья Карамазовы» — знаменитый роман Ф. М. Достоевского — я встретила в нем такую строчку: «На мерзлую землю упало в ночь немного сухого снега, и ветер «сухой и острый» подымает его и метет по скучным улицам нашего городка». Слова «сухой и острый» Достоевский прямо перенес в роман из стихотворения Некрасова и даже не снял кавычек, — по-видимому, он считал, что трудно сказать об этом пронизывающем предзимнем холоде точнее.

Некрасов последовательно, с грустным спокойствием описывает каждую подробность суровой поздней осени. И кажется, таким же спокойным тоном, как бы перечисляя, говорит он о «проезжей таратайке», у которой почему-то «спущен верх,

перёд закрыт». Очевидно, там внутри сидит кто-то, кого надо скрывать от взора встречных, кто-то, кого сопровождает жандарм, «подбавивающий» ящичка нагайкой. Некрасов не говорит, кто же это такой. Но я вспоминаю — такую жандармскую повозку я встречала и в других произведениях Некрасова, — в стихотворениях «Еще тройка», «Благодарение господу богу», в поэме «Несчастные». Такие повозки увозили в Сибирь смельчаков революционеров. Тюремная повозка среди унылой осенней природы — обычная, повседневная, характерная примета николаевской жандармской России. Последнее четверостишие усиливает стихотворение, создает законченный образ хмурой, бесправной и нищей страны. Теперь понятно, почему так невесело на душе у поэта...

Это стихи о природе — и не только о природе. Неслучайно такие стихи царское правительство старалось не допускать в народные библиотеки. «Наши авторы часто прибегают к картинам природы», — писал один из царских чиновников, — только для того, чтобы выразить свои политические неудовольствия».

В стихотворении «Перед дождем» всего шестнадцать строк. Но, как видите, они оказались очень емкими. Стихотворение заставило нас «окунуться» в ту далекую эпоху. И оно оказалось не менее интересным, чем, например, «Генерал Топтыгин», только по-другому. Ведь за этим маленьким стихотворением стоит огромный русский поэт — с его раздумьями о судьбах Родины, с его болью и гневом. Подлинно народный поэт, Некрасов сумел даже в этой короткой «пейзажной зарисовке» сказать о самом важном, самом главном для своего времени.

Н. Слепакова

Читатель. Леонтьев? Что-то про такого артиста не слышал... Он в каком фильме играет?

Автор. Ни в каком. Он учится в ПТУ.

Читатель (разочарованно). А, в ПТУ...

Еще семиклассником он был главным среди ребят, организовавших школьный жилой уголок. Там разместились еж, две морские свинки, попугай и змея.

На переменах Витька мчался к живому уголку. Сюда же сбегались и другие ребята, но место поудобнее всегда отводили Виктору.

— Здравствуй, — говорил он нахоленному, сердитому попугаю. — Есть хочешь?

Попугай что-то бормотал: был еще не обучен настоящему разговору.

— Он говорит, что есть, конечно, хочет, — объяснял Витька ребятам, — но только то, что сам честно зарабатывает.

Никто не мог уследить за тем, по какому сигналу Виктора попугай начинал крутиться на жердочке. Хохотали.

После кормления попугая наступала очередь змеи. Змея была грозная: гадюка. Она лениво покаялась на подстилке, изготовленной Витькой. Витька спрашивал:

— А ты что нам скажешь? Змея поднимала широкую плоскую голову, открывала пасть, показывая жало.

— Она говорит, — сообщал Витька, — что ей желательно сейчас кого-нибудь укусить. Она обижается на ученых, которые считают яд змеи замечательным лекарством. Еще она сердита на людей, которые занимаются змеиной ловлей. У нас в стране их всего человек двадцать.

Звенел звонок, и Витька уже на ходу досказывал ребятам про этих отважных людей, которым поймать кобру так же не страшно, как ужа или ежа.

А на уроке — если только это была не зоология — раскрывал под партой начатый чертёжик: задумал смастерить одно, собственной конструкции, змееловное устройство.

Потому что семиклассник Виктор Леонтьев решил сам стать зоологом.

И не просто решил.

В один не очень прекрасный для родителей и школы день он исчез из Ленинграда.

Он держал путь прямоюхою в Туркмению, в пески Кара-Кумов, к подножию Копет-Дага. Он хотел стать двадцать первым из тех, кто поможет медикам спасать людей от тяжелых болезней змеиным ядом.

Он добрался до Калининской области на попутных машинах, — а возвращался назад поездом, один, — дал слово задержавшим его людям вернуться домой без сопровождающего.

Читатель. В ПТУ-43 змееловство, что ли, учат?

Автор. Нет, в ПТУ-43 учат будущих металлургов. Виктор выбрал специальность токаря.

Читатель. Так он же зоологом любил!
Автор. Жизнь не состоит из одних только «любил — не любил»...

В профтехучилище он пришел после девятого класса.

ВИКТОР ЛЕОНТЬЕВ ВЫХОДИТ НА ЭКРАН

Г. Князев

Еще в восьмом у Виктора стали разлаживаться отношения с физикой и математикой. Учителя ему говорили:

— У тебя же светлая голова. Что с тобой происходит?

Он молчал или отшучивался: «В Кара-Кумы хочу».

А сам думал: «Никуда я не хочу, ничего я не хочу. Скучно».

Даже к зоологии охладел.

Только на уроках труда более или менее оживлялся. Смастерил несколько самоделок для школьных выставок. Хвалили. Скучи ради изготовил пугач. Отобранили, выслали. Но удивлялись: «Ты, наверно, не в одиночку делаешь, тебе какой-нибудь мастер помог?» Улыбался не без самодовольства. А митарства с математикой и физикой продолжались.

Правда, иногда «нажимал» — со злости, от

самолюбия. И тогда учителя повторяли: «У тебя же светлая голова, видишь: захотел — и смог. Что с тобой, Леонтьев, происходит?»

Читатель. Что с ним происходило?

Автор. Он не узнал еще как следует самого себя. С многими ребятами в этом возрасте так бывает.

Читатель. И тогда его отправили в ПТУ?

Автор.

Не отправили. Посоветовали: «Попробуй там свои силы. Оттуда дорога нигкуда не закрыта. Наоборот, при поступлении, скажем, в институт, ребятам из ПТУ даются особые преимущества». Автор сказал: «Хорошо, попробую свои силы в ПТУ».

Турбина стояла на сборочном участке. Далеко еще не закончена турбина.

— Сверхошная, — сказал инженер. — Такой ей есть у нас не видали.

Под потолком шел кран. Он нес какую-то деталь для турбины — огромную деталь.

— Так вот, — сказал инженер, — наш завод — орденосный, имени двадцать второго партсъезда Ленинградский Металлический

завод. Турбины отправляются отсюда во все концы света. А турбина, как вам известно, — это электричество. А электричество, как вам опять же должно быть известно, — это работающие днем и ночью заводы и фабрики, свет в домах, это телевизор, радио, кино, наконец, хлеб с маслом на вашем столе. Всем все понятно?

Ребята молчали: всем все было понятно. — Теперь дальше, — сказал инженер. — Поскольку вы будущие токари, то вам и работать над такими, а может быть, еще и помощнее, турбинами. И поскольку ПТУ-43 мы считаем одним из важнейших цехов нашего завода, то у меня к вам есть один маленький вопросик...

— Какой? — с интересом спросил Леонтьев. — Если очень маленький, то задавайте. — Хорошо, — сказал инженер, — я задам, а вы попробуйте ответить. Ваша группа занимается в училище четвертый месяц и четвертый же месяц не сдает ни одной детали, чтобы ее не задержал заводской ОТК. В чем дело?

Виктор отвел глаза в сторону. Отвечать было нечего. Не станешь ведь ссылаться на то, что прежнего мастера-руководителя, не справляющегося с делом, из училища только что удалили, а взамен пришел новый, еще неизвестно какой.

Читатель. Ага, пришел новый мастер и все наладилось!

Автор. Не совсем так. Хотя, в общем-то...

Нового мастера звали Станиславом Павловичем Горчаковым. До работы в ПТУ-43 он служил в Военно-морском флоте, на Севере. Еще раньше, до флота, стал учиться в ПТУ, потом, работая на заводе, стал токарем высокого класса.

— Искрометная работа, — сказал он, задержав шаг возле станка Саши Пискунова. — Прямо феерверк, праздничный салют.

Саша поднял бесесые бровки: хвалит, ругает?

— Останови станок, — сказал мастер. — Пора бы знать, что искры из-под резца — это прямая дорожка к браку.

Саша похлопал глазами и остановил станок. Собственно говоря, он, конечно, знал, что искры из-под резца — это прямая дорожка к браку. Но зачатывать резцы для каждого задания по-разному — от этого ошалеть можно. Целая, говорят, наука.

— Это целая наука, — сказал Станислав Павлович. — И пока вы ею не овладеете, настоящим токарями не станете.

Показав Пискунову, как заточить резец, мастер подошел к Виктору.

Здесь феерверка не было, крутая стружка сползала мерно и ровно.

— А если прибавить обороты? — спросил Горчаков.

— Нельзя. Искрить начнет.

— Правильно, — сказал мастер. — И все же останови станок.

Виктор остановил.

— Посмотри на стружку. Завивается. Стружка должна быть ломкой, спадать кусочками. Словом, и у тебя неправильно заточен резец.

— Правильно, — сказал Виктор.

— Неправильно, — сказал мастер. — Поработаешь еще минут пять — и резец сломается.

— Не сломается, — сказал Виктор.

— В учебных целях разрешаю проверку опытом, — сказал мастер.

Через пять минут резец сломался.

Виктор стоял красный как рак. И злой — на себя, на мастера, на резец.

— А между тем, — сказал мастер, — мы будем стремиться к высоким скоростям. И прежде всего за счет этой самой заточки. Покажу тебе сегодня сразу несколько типов для разных операций.

Показал.

— За сколько дней освоишь? — спросил Горчаков.

— За один, — сказал Виктор.

— Шутись, — сказал мастер.

Назавтра Виктор при Горчакове и ребятах заточил сразу несколько резцов. Все было правильно.

— Неправильно только, — сказал Горчаков, — что ты этими резцами до полуночи зани-

мался. Вон, глаза слипаются. Как у тебя, кстати, с физикой и математикой?

Читатель. **Какая физика и математика? Он же в ПТУ учится, а не в школе?**

Автор. **Многие ПТУ дают ребятам вместе с профессией и среднее образование.**

Да, Леонтьев снова встретился здесь со школьными предметами — словно и не уходил из школы!

Физика и математика, будто самые близкие родственницы, принимали его в свои объятия: «Как хорошо, что мы ни на день не расстаемся!»

Мастер Горчаков все чаще задавал Виктору работу посложнее, чем другим ребятам. И чертежи приносил посложнее. Однажды сказал Виктору так:

— Пока я другим чертеж объясняю, ты в своем разберись сам.

Виктор разобрался.

— Ну, так теперь и дальше будет, — сказал Горчаков.

От одного из чертежей у Виктора глаза на лоб полезли.

— Трудно? — спросил Горчаков. — Ну, давай помогу.

— Я сам, — упрямо сказал Витька.

Про себя же ужаснулся: «Тут же тангенс угла надо вычислить... А здесь еще функция... Какая?»

Пришлось вспоминать формулы — дома, за учебником.

Читатель. Итак, он стал хорошим токарем?

Автор. Токарем он стал хорошим.

— Добрый вечер! Сегодня Ленинградское телевидение приглашает вас на конкурс лучших юных токарей профтехучилищ Калининского района. В конкурсе участвуют ребята, победившие на соревнованиях в своих ПТУ.

Виктор Леонтьев и Саша Пискунов сидели у телевизора, смотрели видеозапись соревнования. Мастер Горчаков сидел у телевизора, все взрослые работники ПТУ сидели у своих телевизоров. Они уже знали, кто победил, но хотели снова пережить все, что было на конкурсе.

Виктор посмеивался:

— Меня на экране нету. И не может быть. Я длинный, я ни в какой экран не влезу!

Саша возражал:

— Просто тебя не сразу разглядели и не сразу поняли, как ты работаешь.

Виктора, действительно, вначале почти не снимали.

Однако мастера других ПТУ, «болевшие» на конкурсе за своих чемпионов, с первой минуты «положили на него глаз».

Они отвели Горчакова в сторону:

— Признайся, Станислав, это ты заточил резцы вон тому, высококольному?

— Еще чего, — сказал Горчаков мастерам. — Вы лучше скажите: заметили, как и какую технологию он выбрал, когда подали сигнал к старту?

— Заметили, — кивнул один из мастеров. — Так спокойно, не торопясь, все обдумав, может начинать конкурс только настоящий токарь.

— Он настоящий токарь, — сказал Горчаков. — Даже если не победит.

Режиссер тем временем схватился и командовал в микрофон оператору:

— Вторая камера! Возьмите-ка вон того, высокого, с густыми бровями! Лицо, лицо его покажите! Теперь руки!

— Ну вот, — сказал Саша, подпрыгивая в кресле. — Вот на экране и ты, победитель!

— Здесь-то победил, — сказал Виктор. — А что будет на городском конкурсе?

Читатель. Что было на городском конкурсе?

Автор. Виктор проиграл состязание.

Читатель. Ага! Недоучил математику!

Автор. Просто там оказались токари и получше его. Но потом стал одним из победителей во встрече с юными токарями Риги, ездил с друзьями в Чехословакию и недавно успешно окончил училище.

Фото Дм. Варушина

Дождик на уроке

Семен Коган

Рисунок Т. Соловьевой

Вот первые капли
Упали в песок,
Как множество точек
На чистый листок.

Коль пишется
Множество точек,
Что будет — читай
Между строчек.

Вот гром громыхнул,
Разгоняя зевак.
Упал на стекло
Восклицательный знак.

Что значит
Его восклицание?
— Внимание, дети!
Внимание!

Вот молнии в небе
Прочерная зигзаг,
Похожий на наш
Вопросительный знак.

Неясный вопрос
Остается:
Кому он и кем
Задается?

Вот луки —
Как две запятые:
И куцы они,
И мелкие.

И плавают в них
Золотые
Упавшие с веток
Листики.

Дагестан — страна гор. У подножия их рожочек Каспийское море — самое соленое озеро мира. Нрав его переменчив и загадочен. Никогда нельзя предугадать, как поведет оно себя с восходом солнца или луны: поднимет ли сатанинский грохот, который отзовется тревогой в душах женщин, чьи мутья рыбачат в море, или мирно будет выбрасывать на прибрежную гальку белую пену.

На склонах гор летают аулы. Здесь меридиан человеческого достоинства извечно считался мужеством и честью. На слабых высекались слова: «После коня остается поле, после гибели героя — имя».

Дагестан не только страна гор, но и страна многочисленных народностей. Более тридцати языков и наречий при почти полуторамиллионном населении этой республики здравствуют и поныне в горных селениях. Об этом чудо существует легенда: бог послал всадника, чтобы раздать людям языки. Всадник вел их в мешке. Когда он достиг Дагестанского нагорья, то чуть не сорвался в пропасть. И тогда, развязав мешок, высипал все языки, мол, разбирайтесь

сами. Вот почему, оказывается, в Дагестане столько языков.

Каждый аул Дагестана чина-нмбуй да славен. Аул Балхар — гонимарм искусством, Ундукул — мастерством насечки и резьбы, Цумада — выделкой буроков из белой и черной овечьей шерсти, Кубачи — чеканкой по золоту и серебру, Цовкра — канатоходцами, а вот аул Цада — поэтами. Говорят, что в этом ауле родились самые меткие пословицы и поговорки.

Вначале Расул подписывался псевдонимом отца — Цадаса. Но однажды почтенный горец из соседнего аула, не знавший, что Расул тоже пишет стихи, сказал ему: «Послушай-ка, сынок, что случилось с твоим уважаемым отцом? Раньше, прочитав его стихи только один раз, я запоминал их сразу, а теперь даже почитать их не могу». Тогда Расул стал подписываться: «Расул Гамзатов». Потому что имя отца было Гамзат.

Первым учителем и наставником Расула в его литературных начинаниях и был его отец, строгий, взыскательный мастер. О первых днях

РАСУЛ ИЗ

таха сына он сказал: «Если взять щипцы и хорошенько порыхлить в этой золе, то можно сыскать уголек хотя бы для того, чтобы прикурить от него». Шли годы, Расул окончил школу, потом педагогическое училище. Менялись профессии: учитель в кубачской школе, а той, где сам когда-то был учеником, помощник режисера аварского передвижного театра, журналист...

А стихи? Их он писал каждый день. Просилпался с рифмами в голове и засыпал, шепча, как молитву, строки, которые не успел записать.

Началась война. В тысячах домов вошла беда. Не миновала она и дом старого Гамзата Цадаса, оба старших сына его пали смертью храбрых. Гибель братьев оставила кровотокащую, незаживающую рану в душе Расула. Стихи его мужают, становятся проникновенней, значительнее. Осенью 1945 года молодой аварский поэт приезжает в Москву. Он становится студентом Литературного института имени Максима Горького.

Выдающийся советский поэт и переводчик Самуил Маршак в статье «Набирающий высоту» писал о Гамзатове: «Помню, как при одной из наших встреч Расул рассказывает нам, что его вскормили две женщины. Когда заболела мать, его кормила другая горская крестьянка. В литературе у него также были две кормилицы: поэзия Востока и великая русская

поэзия. А через русскую поэзию он узнал и лучших иностранных поэтов, таких, как Берне, Гейне, Шекспир, Гете».

Тот же был учителями Расула Гамзатова, кому он поклонялся? Вот свидетельство его самого: «Я по очереди влюблялся в разных поэтов — то в Блока, то в Маяковского, то в Есенина, то в Пастернака, то в Цветаеву, то в Валицкого, то в авара Махмуда, то в немца Гейне. Но любовь к Пушкину, Лермонтову, Некрасову осталась навсегда неизменной». Восторгаясь русской поэзией, изучая ее, в то же время Расул знакомит своих однокурсников, а потом и русских поэтов с горскими аварскими поэтами прошлого века — Махмудом, Чанкой, Эльдариловом.

С молодых лет Расула Гамзатова отличает большая разборчивость в выборе друзей. У него, можно сказать, особый дар чувствовать настоящего человека и настоящего поэта. «Поэт поэту — есть кулак» — это осеннее изречение Расула подтверждает всей жизнью и творчеством. Большая личная дружба связывала Расула с талантливейшими русскими поэта-

АУЛА ЦАДА

ми — Александром Твардовским, Самуилом Маршаким, Корнеем Чуковским. Прочны у товарищества поэта со средним поколением писателей — Сергеем Нарочетовым и Евгением Винокуровым, с Давидом Кугультиновым и с Кайсатом Кулиевым, а строки, обращенные к Мухамеду Кариму: «Хорошо, что ты рядом, Мухат, верный друг и поэт настоящий, наглядно раскрываешь, что особенно ценно для Расула в человеке».

Расул Гамзатов обехал весь мир. Но где бы он ни был — в США или Индонезии, гостил ли у знаменитого пакистанского поэта Фаиза Ахмед Фаиза, смотрел ли с вершины Фудзиямы на пролетающих журавлей, беседовал ли с Индирой Ганди или жил в отеле «Гавана либре» на Кубе, находились ли в Бомбе как государственный деятель — он всегда, по его собственному признанию, слышал зов «родной отеческой земли». Однажды он сказал: «Я в ответе за асю державу!» И это не один слова. Немало времени отагает Гамзатов общественную и государственную деятельности: он член Президиума Верховного Совета СССР, страстный борец за мир.

«Слово дорожке коня» — гласит древняя мудрость горцев. Расул строго придерживается в своем творчестве этого чеканного правила: его стихам не терпят суеты, верны традициям, идущим от народной речи и опыта веков. Яркость образов, возвышенность и глубина мысли, бла-

говушке дада сливаются у поэта воедино. Поэту чужды и легковесная лирика, и напыщенная многословная риторика. Он ненавидит ложь и пошлость, глупость и злобу. Смелость и широта взглядов, независимость суждений, внутренняя убежденность — характерные черты поэзии и прозы Гамзатова.

Стихи поэта самобытны, глубоко национальны, афористичны. Они переведены на многие языки мира.

Книги со стихами Гамзатова побывали даже в космосе, ибо поклонник его творчества детский-космонавт Виталий Севастьянов брал их с собой в орбитальный полет. Песенник «Звездный городок», где живут космонавты, Расул написал: «Мы живем в такой век, когда осуществляется мечта многих поколений и мы сами мечтаем открыть еще неизведанное во всем — в большом и малом. Не скрою, я рад, что среди других в космической библиотеке есть малякский томик и моих стихов». Мы первыми прокладывали дорогу в космос. Мы мечтали и мечтаем о высоких звездах. Но для меня самые высокие звезды — это люди».

К 50-летию со дня рождения Расула Гамзатова

*К дальним звездам, в небесную роздымь
улетали ракеты не раз.
Люди, люди — высокие звезды,
долететь бы мне только до вас.*

Расул Гамзатов написал много книг. Наиболее значительные это «В горах мое сердце», «Горняк», «Высокие звезды», за которую он удостоен Ленинской премии, «И звезда с звездой говорит», «Мулатка», «Четки летя», «Письмена», «Третий час» и блистательная книга прозы «Мой Дагестан». Книга очень своеобразна. Она полна притч, легенд, сказаний. Удивительно поэтично рассказывается в ней о героической истории края, о нравах и обычаях горцев.

В жизни Расула такой же, как и в своем творчестве: открытое, дружелюбное, душевная широта, умение радоваться удачам других — все это придает поэту огромное обаяние. Он остроумный собеседник, весел в застолье и мужествен в горе, по-умному добр, самозащитен и никогда не обольщается своими успехами...

Чтобы лучше познакомиться с этим талантливым и своеобразным человеком и поэтом, читайте его книги, и уверен, что это знакомство обратится в пожизненное признание. К стихам поэта, который весь своим творчеством подтверждает простую истину, что в маленьком ауле может родиться большой талант.

Яков Козловский

Расул Гамзатов с дочкой

РАССКАЗЫ ОБ УНДРЕ

Ю. Афанасьев
Рисунки К. Овчинникова

В ШКОЛУ

Ундре и сам не понял, отчего вдруг проснулся. Полуумрак. Вверх через отверстие в чуме видна голубая тарелочка неба — значит, утро. А улица уже захлебывается от хохота и визга. К горлу подкатила обида. Он один в чуме. Неужели уехали без него? Ундре соскочил с постели, откинул полог и зажмурился. Солнце веселилось вместе со всеми. От обиды Ундре даже заплакал.

Дел Ай-по хихикнул в свою реденькую бородку, белую, как агель.

— Злишься? Это хорошо, — украдкой посмотрел он на внука. — Нюх острее будет, зубы крепче.

Поютнее усевшись на нартах, лед вынул нож и неторопливо стал делать отметины на четырехугольном деревянном брусочке. По этим нарезкам он вел свой счет. Глубокие выемки — быки-олени, поменьше — важенки, крестики — это олени, которых задрали волки.

На брусочке — все многотысячное колхозное стадо. Зимой при подсчете главный зоотехник вертит в руках эту палочку, удивленно хмыкает:

— Ну и арифметика! Так бы в нашей бухгалтерии точный учет вели...

Ундре шмыгнул своим носом-пуговкой, исподлобья взглянул на деда.

— Не белка ищет охотника, а охотник белку. — сощурился Ай-по, пожевывая трубку. Ему было понятно настроение внука — проспал мальчишка.

— Ну иди, еще не поздно.

Ундре напустился, что-то буркнул и ловко накиннул на голову мальцу из лыжника. Хоть солнышко и блеснуло ярче летнего, но тепла уже не было, с моря все чаще дули прохладные ветры.

Красива сегодня тундра. Вот готовая брызнуть своим соком клюквы. Осыпаются листья с кустов голубики, и ягоды сами просыпаются в рот. Вокруг бугорков посуше, как выщипана на одежде, вьется боровая брусника. Олени повернули головы и откровенно уставились на Ундре. Все чем-то заняты, а он, Ундре, никому не нужен.

И тут раздался крик:

— Ундре!

«Видно, учитель зовет». Мальчишку охватила злая дрожь.

— Он в чуме! — кричат ребята. — Ундре первый раз в школу идет!

«Значит, меня ищут, значит, я нужен», — застучало сердце от радости и волнения. Ундре

разыскал в толпе бабушку Эви, обхватил ее за ноги, прижался лицом. Подбежала Авка — олененок и лизнул мальчишку в щеку.

— Да вот же он! Вот! — голоса совсем рядом.

— Ундре, хочешь в школу? — спрашивает кто-то.

Пряча голову в бабушкин подол, Ундре испуганно косит черным взглядом. Он ждал приезда учителя. Но ведь тот уездет его в школу на целый год. Об этом еще надо подумать.

Пряча голову в бабушкин подол, Ундре испуганно косит черным взглядом. Он ждал приезда учителя. Но ведь тот уездет его в школу на целый год. Об этом еще надо подумать.

— Туда неправильно, — неожиданно для себя говорит Ундре. — Тундра не такая. И солнце не такое. Солнце в тундре блуждает.

— Откуда нам знать, — сконфужено пожимает плечами учитель. — Вот тебе краски — нарисуй.

Ундре, робев, взял черный карандаш и, не отрывая его от бумаги, вывел фигуру оленя.

— Похоже, — одобрил учитель.

За оленем появилась собачка. Ундре нарисовал сначала хвост колючком, а потом уж голову. Вот и ручей. Но удивило всех солнышко. Оно закрыло ручей, Уральские горы и часть фиолетового неба.

— Хороший рисунок, — похвалил учитель. — В школе бы на него все ребята смотрели.

Он хотел поглядеть Ундре по голове, но тот шмыгнув носом, посмотрел сердито и снова обхватил бабушкины ноги.

— Ну, что ж, — вздохнул учитель. — Нам пора, — и пошел к своим нартам.

Конечно, Ундре обидел учителя, который с ним разговаривал так ласково. Ундре хочет учиться, но он еще не научился расставаться. Как это объяснить?

Никто, кажется, уже не замечает его. Дедушка Ай-по взял в руки хорей, а бабушка уткнулась в красный платок. Если дед Ай-по тронет вожака, нарты с ребятами скроются за буграми и уйдут к морю. И дедушка не остановит оленей, ни разу не оглянется, плачь не плачь. Только Авка большими глазами участливо смотрит на Ундре. Может, просто ждет лакомства?

Ундре совсем растерялся. Если бы он мог разделить надежду, чтобы один Ундре жил с бабушкой Эви, а другой — в школе. Но так ведь не бывает.

— Э-ей!

Ай-по тронул хореем вожака.

— Э-ей! — донесся клич с задних нартов.

— Подождите! — крикнул Ундре и на ходу плюхнулся в делушкины нарты.

Полозья запыряли по буграм, заскользили по мхам, заскрипели по кариковым березкам. Ударяясь, берестяной чум будто встал в землю. Бабушка все еще махала платком. Ундре знал, что она плачет.

Наверное, плакал и олененок. Он стоял ря-

дом с бабушкой, мотал головой и бил копытцем. Тяжело расставаться с другом, который кормил с ладони.

А потом Ундре стало укачивать. Он уставился на дедушкин черный ремень со зверюшками на медных пластинках. На ремне были наизнаны медвежий клыки и чьи-то зубы помельче. Слева из ножен выглядывает желтая рукоятка из мамонтовой кости. Тут же кожаный мешочек с табакеркой и, конечно, дедушкина «арифметика».

— Большую жизнь изучать едешь, — вдруг откуда-то, словно издалека, услышал Ундре простуженный голос деда.

Ундре встрепетнулся, оторвал взгляд от дедушкиного ремня. Вздохнул. От горьковатого запаха тундры стало радостно, а рядом с дедом и совсем хорошо.

Горы пылали от вечерней зари. Они казались такими легкими, что казалось: без труда поднимешь их на ладони. По зальсинам горплыли розовые туманы, а склоны оставались голубыми. Впереди маячила гора Пайер, скрывая в облаках таинственную вершину.

— Дедушка, — спросил Ундре. — Ты поднимался на нее?

— На самой верхушке не бывал, — ответил Ай-по. — Однако высоко был.

Потом, немного помолчав, начал не то петь, не то протяжно говорить:

— Твою вершину закрывают небесные одежды, гора Пайер. Сколько лет нашей дружбе, Пайер? Сколько лет мы встречаемся и расстаемся с тобой?..

Олени устали, вывалили распаренные языки и замедлили ход, и вдруг, почувяв где-то в стороне грибы, так дружно рванулись туда, что Ай-по еле удержался в нартах.

У большого озера дед бросил хорей вперед нарты — и олени остановились. Те, кто поотстал, подгоняли упряжки.

...Школьники рассыпались по буграм. Лучи низкого солнца освещали бесконечные ковры ярко-красной морошки, на которой сверкали капельки росы. В низине блуждали тени. Ай-по смотрит на таинственные тени, прислушивается к звенящему молчанию. Лицо его, высухшее от ветров и дыма, изборожденное морщинами, неподвижно. Кажется, что он видит не видимое другим, слышит неслышимое.

— Не летит? — с надеждой спросил учитель у пастуха.

Красные языки костра лизнули сумерки.

Ребята собрались к костру. Ундре до того наелся морошки, что из карманов стал ее горстями вываливать в костер.

— Обжора, — заметил кто-то из учеников.

— Жадный, — уточнил другой.

— Нет, — улыбнулся Ай-по, подсел к костру. — Ундре просто еще глупый.

Спор вспыхнул, как хворост. Одни обвиняли Ундре, другие пытались защитить.

— А что главное в человеке? — вдруг спросил учитель.

— Он должен быть сильным.

— Нет, он должен быть умным, ловким, — сказали другие.

— Однако каждый человек не должен терять то, с чем рождается, — вмешался в разговор Ай-по. — Он должен быть добрым.

— Самолет! — Ундре вдруг вскочил на ноги. Низко над озером летел самолет.

«Ан-2» мягко коснулся поплавками воды, и только потом мотор его взревел с новой силой. Ученики, не дожидаясь приказа учителя, уже бежали со своими узелками к берегу. Совсем не все равно, кому первому удастся погладить крыло, поздравиться с летчиком.

Посыпались вопросы:

— А правда, что этот самолет может сесть на крышу дома?

— Отчего бывают воздушные ямы? Есть в них воздух или нет?

— Пора, — наконец сказал летчик и протянул руку Ай-по. — Расстаемся до белых куропаток.

— Хорошая машина, — раскуривая трубку, покнул языком Ай-по. — Человек на ней крылатый, как птица.

— Спасибо, — улыбнулся летчик. — Но и твои олени не хуже.

— Олень — мясо, олень — и одежда, — соглашается Ай-по.

Ундре так хотелось скорее взлететь, что он спокойно простился с дедушкой. Он даже не испугался, когда самолет повис над пестрой тундрой.

Горы превратились в серых гигантов, которые склонились над озером.

А там, внизу, около оленьих нартов долго еще махал рукой маленький Ай-по. Капюшон малыцы был откинут, и влажный ветер трепал его седые космы.

Небо прокалывали первые робкие звезды.

НА КАНИКУЛАХ

Холодная зима кажется очень долгой. Но сегодня Ундре будто кто-то поднял с постели. Через задернутую занавеску просачивался сиреневый рассвет. Чиркнул на поленнице воробей: «Чего ты, чего ты!» — и деловито поворочил клювом перья. Кто-то потерся об оттаявшее стекло, и любопытный лиловый глаз заглянул в комнату.

— Авка, — обрадовался Ундре и выскочил на крыльцо.

Двери открылись бесшумно, и первый солнечный зайчик запрыгал в углу темных сеней. Ундре распырала нахлынувшая радость, ему захотелось всех поднять на ноги. Спать и спать, как зимой, а ведь она уже прошла.

— Раньше учительского времени встаеть,—

добродушно усмехнулся Ай-по, сбивая с кисов сырой снег.

Ундре обнял за шею белого оленя.

— Это ты меня разбудил, правда, Авка?

Авка согласно мотнул головой и обнюхал рукава и карманы — неужели Ундре не припас ему лакомство? Но сахар был спрятан под шапкой, и Ундре развеселился от своей хитрости.

Они понимали друг друга без слов. Дружба их началась давно. Как-то летом дедушка принес в чум белого олененка. У бедного животного на ногах были большие открытые раны.

«Плохая болезнь в стаде», — грустно сказал Ай-по. Старики пытались свалить вину на таинственные ветры с горы Пайер. Однако на вертолете прилетели ветеринары и стали лечить оленей. Уколы сделали и Авке. А уж Ундре целыми днями не отходил от него. Вот олененок и привязался к мальчишке.

Сейчас Авке не хватает ласки, ведь он стал выездным оленем — вожаком, — трудная работа. Ундре прижался к другу. За каникулы он много порасскажет ему о другой жизни, там, далеко, где ездят не на оленях, а на машинах с колесами.

— Ундре! — зовет бабушка Эви. — Иди ешь!

— Сейчас, сейчас, — мальчик нехотя расстаётся с Авкой и идет к дому.

Позавтракав, он садится за стол, но смотрит в окно. Слышно, как между рамами бьется большая зеленая муха. Пригелася на солнышке и, видно, ей захотелось поиграть. Ундре тоже хочется поиграть, не сидится. За окном плачут сосульки. А тут задачки какие-то.

— Охотник убил 20 белок и сдал их заготовителю дяде Мише по рублю. Сколько рублей получил охотник? — Ундре сочиняет задачу вслух. Учитель велел много задач напридумывать.

— Такого охотника выгнать надо из колхоза, — вдруг перестав строгать, говорит дед Ай-по. — Хороший охотник ханты белку сдает только по три рубля. А Ундре, видно, не научился в глаз стрелять, портит шкурку — плохим сортом сдает.

— Да это же как будто, нарочно, — обиделся Ундре.

— Нарочно разве можно стрелять? — удивляется Ай-по. — Нарочно разве можно жить? — говорит он и снова берется за нож. Желтенькая стружка завивается кудряшками и через колено катится к дверцам печи. Нож, кажется, чуть-чуть касается дерева.

Ай-по одним ножом может сделать нарты. Ему не надо ни топора, ни гвоздей.

Ундре принимается за новую задачу.

— Во время каслания у оленевода было сто важенок, быков на тридцать меньше. Сколько всего оленей должно быть у пастуха при осеннем подсчете?

Бабушка Эви поглядывает на внука с гордостью. «Вот ведь какой, — думает, наверное, она. — Хоть дедушка и ворчит, а внук уже и новую задачу придумал».

Уверенно скрипит перо в руках у Ундре.

— Значит, так. Сначала отнимем, потом прибавим.

Он загибает пальцы на руках, каждый палец — десяток важенок. А как же прибавить к ним быков? Тут уж задвигались пальцы и на ногах.

— Оленей было у оленевода сто семьдесят штук, — торжественно объявляет Ундре.

Бабушка Эви даже перестала теревить кропулатку и победоносно посмотрела на деду.

— Однако, Ундре, ты такие задачи неправильно решаешь, — печально говорит Ай-по и встает, спряхивая с себя стружки.

— Как неправильно?! — Ундре даже покраснел. — У меня по арифметике всегда пять.

— Напрасно такую оценку получаешь, — сердито качает головой Ай-по. — Если будут так задачи решаться, колхоз без оленей останется.

Он разошелся не на шутку.

— Хоть и на бумаге пишешь, — набивая трубку, говорит Ай-по, — а думать все равно надо. Каждая важенка за лето принесет олененка. Ундре плохой оленевод. У тебя нет ни одного олененка, значит, не пас оленей, все стадо волкам отдал. Зачем Ундре в тундру пускать?

— Да это же как будто, нарочно! — чуть не плачет внук и смотрит на бабушку.

— Про оленя решаешь задачу, значит, ты оленевод, — распалился Ай-по и заходил по дому.

— Все равно у меня все правильно было, — насулившись, пробубнил Ундре, ковыряя пером промокашку.

— Напрасные слова делу не помощники, — Ай-по сел на стул, закурил трубку. — С дедушкой начинаешь спорить, как мышонок.

Ундре хорошо помнит сказку про мышонка. Как это там сказано о мышонке? На словах может лося убить, а на деле и соломинки не перетачит. Ундре и смешно, и немного обидно.

Я хорошо их помню. Конечно, тогда мы не знали в подробностях обстановку на фронте. Знали только — враг рвется в город, но мы город не отдадим. А сегодня можно прийти в архив, в хранилище, где на стеллажах стоят рядами папки с документами, когда-то секретными: с оперативными картами, сводками, боевыми донесениями...

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ В СЕНТЯБРЕ

Ю. Голубенский

К началу сентября, тесня наши части, фашисты заняли Мгу, Шлиссельбург, взяли Красное Село, Петергоф и вышли к Финскому заливу у Стрельны.

Снаряды стали врываться на улицах Колпина, на территории Ижорского завода.

Река Ижора — последняя водная преграда на пути к Ленинграду с востока. До города оставалось меньше двадцати километров.

В штатских пальто, в кепках, в брюках навыпуск, рядом с красноармейцами оборонялись рабочие-ижорцы.

Отступить некуда — отсюда вражеские танки сразу выйдут к Обуховскому заводу, к Невской заставе.

Раскалялись от стрельбы стволы винтовок. Закипала вода в кожухах «максимов». Под гусеницы танков летели связки гранат и бутылки с горючей жидкостью... Младший лейтенант Романов отважно атаковал дом, занятый противником, и забросал фашистов гранатами. Пулеметчик Кондаков в течение тридцати шести часов держал неприятеля под огнем своего пулемета. Дрались с врагом целыми семьями. Шестидесятичетырехлетний Е. П. Бураков с сыновьями Арсентием, Василием и Романом прямой наводкой расстреливали из орудия фашистские танки и пехоту.

Таких героев были тысячи.

На стене, напротив моего дома, появились листы — стихотворение Джамбула «Ленинградцы, дети мои, ленинградцы, гордость моя!»

**«Что же слышит Джамбул теперь!
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав,
Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав...
Сдохнет он у ваших застав!»**

...Красим чердачные перекрытия специальной белой краской — от огня.

Вокруг — бочки с водой, лежат штабелями небольшие мешки с песком для тушения зажигательных бомб.

Тут же длинные щипцы — ими надо хватать «зажигалку», тащить ее к бочке или сбрасывать вниз, на асфальт.

17 сентября шесть гитлеровских дивизий при поддержке всей авиации группы армий «Север» предприняли попытку сокрушить нашу оборону и ворваться в Ленинград с юга. Местом сражения стал парк в Павловске. Два десятка танков с черно-белыми крестами на броне ползли по дорожкам парка. Их встретили артиллерийским огнем. Но батальону вражеских автоматчиков все же удалось углубиться в парк. Их выбыл контраatakой полк майора Брыгина.

В ночь на 18 сентября по приказу командо-

Сентябрь первого военного года выдался мягким, теплым. Яркое светило солнце. Трава только начинала желтеть. Ночи были лунными, светлыми.

А лучше бы — низкая облачность, густые туманы, проливные дожди.

Чтобы долететь до района Невского проспекта с запада, вражеским бомбардировщикам требовалось две минуты, с востока, со стороны Невской Дубровки, — шесть минут.

Мы уже привыкли видеть расщепленные фасады, стены с лоскутными обоями, зеркала и картины, висящие над рухнувшими перекрытиями, раскачиваемые ветром абажуры. На улице Зеленина, на Пушкиарской, на Большом проспекте... К середине сентября мы потеряли счет домам, разбитым на нашей Петроградской стороне.

Бомбежки начинались с вечера. В сиянии луны фасады домов словно светились. Черными рядами обозначивались на них окна, плотно закрытые изнутри шторами светомаскировки.

Самолеты шли волна за волной, и к земле несли душераздирающий вой, визг и скрежет: для «устройства населения» фашисты сбрасывали, кроме бомб, пробитые железные бочки, автомобильные колеса, листы железа, и все это на лету вопило, выло и ревели.

То тут, то там на крышах расплывались холодное белое пламя «зажигалки». Вспыхивали пожары. И тогда раздавались телефонные звонки в казармах, где размещались роты

19 сентября, в разгар боев на Пулковских высотах, фашистам казалось, что исход битвы за Ленинград уже решен.

В занятых районах Ленинградской области гитлеровские газеты уже печатали сообщения о взятии Ленинграда. Они даже помещали смонтированные фотоснимки — эсэсовец стоит на посту на Невском, возле Гостиного двора. Были изготовлены пропуска для проезда по Ленинграду на автомашине в ночное время. На пропусках стояла подпись «коменданта го-

Парень с нашего двора служил юнгой и рассказывал, как на кораблях свободные от вахты матросы спускались в душные кубрики, став-

комсомольского противопожарного полка. И комсомольцы мчались на объект заливать и засыпать огнем, спасать людей и имущество.

В архиве бывшего комсорога полка Игоря Быховского, моего сверстника и одноклассника, ныне — ученого-юриста, сохранился протокол одного из комсомольских собраний. К нему приписано: «Собрание длилось семь часов». В тот день приходилось несколько раз прерывать собрание, отпрываться по вызову на пожар.

Наш пост был на крыше возле чердачного окна. На горизонте виднелось зарево: горели пригороды.

На крышу опустился листок размером с тетрадную страничку. Плохая шершавая бумага, чужой незнакомый шрифт:

«Ю всем гражданам и гражданам, честным бойцам и командирам Красной Армии. Пробил час освобождения многонационального СССР. Вы превращаетесь в рабов. Неужели вы хотите защищать это рабство? Активно помогайте германскому командованию в создании нового строя...»

Даже двенадцатилетние школьники хохотали, читая этот листок.

Неподалеку гремели взрывы. Бомбы, возможно, сбросил тот же самолет, что и листовки.

17 сентября — я сам это слышал — во время бомбежки по радио выступил композитор Дмитрий Шостакович. Он начал словами: «Час тому назад я закончил вторую часть своего нового симфонического произведения...»

ше крошечными кинозалами. Там крутили фильмы про моряков из Кронштадта, про Чапаева, про Щорса, про гражданскую войну.

вания наши войска отошли на новую линию обороны.

С утра развернулись кровавые бои за Урицк, в трех-пяти километрах от Кировского завода. Газета «Ленинградская правда» поместила письмо старых рабочих-кировцев к защитникам Ленинграда.

«...Мы, кировцы, смело смотрим в лицо смертельной опасности и скорее смерть испугается нас, чем мы смерти!»

Город уже находился в кольце. Связь с Большой землей была лишь по воздуху.

Теперь весь мир знает это произведение. Это знаменитая Седьмая ленинградская симфония.

Неподалеку от нашего дома есть маленький кинотеатр «Свет», в нем теперь показывают научно-популярные фильмы. В то время он назывался «Люкс». С приятелями мы бегали в «Люкс» в перерывах между воздушными тревогами. Там шли «Военные кинобронники», в каждом по два-три коротких фильма: «Трое в воронке», «Один из многих», «Встреча с Максимом». Максим распевал старую свою песню на новые слова:

**Десять винтовок
на весь батальон,
В каждой винтовке
последний патрон...**

Нам особенно нравился фильм «У старой няни»: в город пробрался диверсант, он пробует укрыться у старухи, которая была его нянькой еще до революции; диверсант разоблачается и помогает задержать мальчик-школьник, такой же, как мы.

Много лет спустя я узнал, что постановщик этого фильма режиссер Евгений Червяков, едва закончив работу над картиной, написал директору студии «Ленфильм», которая в то время эвакуировалась, заявление: «Хочу остаться в городе Ленина, чтобы защищать его любыми средствами». Он вступил в ряды ленинградского ополчения. В боях Червяков был ранен, возвратился в строй, снова храбро воевал и позже, зимой, умер от новой раны.

рода» генерала Кнута. Назначили парад на Дворцовой площади и офицерский банкет в ресторане гостиницы «Астория». Гостиница им была хорошо знакома: до войны как раз напротив располагалось германское консульство.

Но в полдень 19 сентября шквал артиллерийского огня обрушился на позиции врага. Стреляли все калибры. Заговорили форты Кронштадта, орудия линкора «Октябрьская революция», крейсера «Киров» и других кораблей Балтийского флота.

Матросы с «Октябрьской революцией» знали картину «Мы из Кронштадта» наизусть и смотрели ее снова и снова. Киносюансы прерывались

сиренами боевой тревоги, и матросы уходили в палату под Пулковск. Там, поднимаясь в контратаку, они надева-

ли бескозырми, расстегивая ворот гимнастерки так, чтобы была видна тельняшка, и громовой клич «Полуд-

рай опрочиданная врага. «Черная смерть» — прозвали фашисты балтийских моряков.

21 и 22 сентября над городом гудела канонада. Гитлеровцы бросили на корабли Балтфлота всю мощь своей авиации. Две бомбы попали в носовую часть линкора «Марат». Но орудия полуавтоделеного корабля продолжали стрелять. В эти два дня морские летчики и зенитчики только в районе Кроноштада и Морского канала сбили более трех десятков вражеских самолетов.

24 сентября начальник разведки Ленинградского фронта получил сведения: вражеская мотопехота идет от Ленинграда на Псков, а там поворачивает на Порхов — Дно.

Сообщение из Гатчины, от партизан: «Немцы грозят танки на железнодорожные платформы».

Еще донесение: «В районе Ново-Паново, в овраге, где Дулергофский ручей, немцы роют землянки, разбирают окрестные избы, носят в овраг бревна. Похоже, зимовать собираются.»

Агентура передает по радио: «Части 4-й танковой группы (она была под Ленинградом — Ю. Г.) замечены на подступах к Калинин».

Утром 25 сентября над передним краем нашей обороны появились «юнкерсы», бросили бомбы, улетели. Но пехота в атаку не пошла.

Через час разведчики доложили: враг оккупывается.

Так Ленинград стал первым городом, который во время второй мировой войны Гитлер не смог одолеть.

В те дни родился анекдот: Гитлер спрашивает, обращаясь к своему портрету: «Скажи, Адольф, чем кончится эта война? А там, — отвечает портрет, — что мы с тобой немцем-ся местами». «То есть как?» — не понял Гитлер. «Меня снимут, а тебя повесят».

К 25 сентября на Ленинградском фронте было убито и ранено более 190 тысяч неприятельских солдат и офицеров, потеряно 500 орудий и 700 танков. Теперь мы знаем, что в этот день штаб группы армий «Север» сообщил в Берлин: оставшимся силами продолжать наступление на Ленинград невозможно.

В ставке Гитлера был сочинен документ, озаглавленный «О блокаде Ленинграда». В нем говорилось: «Сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушим город артиллерией и авиацией. Остаток гарнизона и населения погибнет в течение голодной зимы. Весной мы проникнем в город, вывезем все, что осталось, в глубь России, сравним Ленинград с землей.»

Впереди были девятьсот страшных и героических блокадных дней.

Впереди была победа — наша победа: фашисты в Ленинград не вошли.

Осенью 1941 в Ленинградской области вели борьбу с захватчиками 84 партизанских отряда. Это была помощь осажденному городу, — помощь настолько существенная, что из Берлина пришел в те дни специальный приказ «насчет коммунистического повстанческого движения». «...В кратчайший срок полновыгодного. Искуслением за жизнь каждого немецкого солдата должна служить смертная казнь 50—100 коммунистов. В проекте приказа были цифры 5—10. Фюрер приписал нули, увеличил число заложников в десять раз.

Пять лет спустя, в 1946 году, Василеостровский райком комсомола послал меня работать пионервожатым в Сиверскую. Лагерь находился за стеной, возле самой железной дороги. Повсюду еще были видны следы войны. Колхозники пахали на

Во второй половине сентября фашисты установили по всему южному полуokrугу прифронтовой полосы осадные орудия калибра от 150 до 420 мм. На планах города, которыми пользовались неприятельские артиллеристы, были аккуратно размечены и пронумерованы цели. Эрмитаж — цель № 9. Дворец пионеров — цель № 192. И так — по всему городу.

Я хорошо помню старшего ассистента школы, парней и девушек со значками ГТО, — нашу гордость и зависть. Прямо из-за парт им пришлось штурговать в окопы. Что они успели сделать в окопах? Бесной сороч

В сентябре в город поступили овощи — картофель, свекла, морковки. Они достались дорогой ценой — поля пригородных колхозов оказались в зоне обстрелов, и колхозники по ночам, ползком, прыгая в воронках, выкапывали картофель, стаскивали его в кучи.

В ленинградских газетах появились сообщения: «Вчера в магазине юнков Ленпротгорта поступила в продажу первая

корова. По полям ходили саперы с минами. В домике, где разместились одни из наших отрядов, ребята отодрали газету, которми были оклеены стены. Открылись нацарапанные, еле видные надписи: «Сидел за саботаж, при-

говорен и расстрелу». Здесь была ге-стоповская тюрьма. Мы осветили фомаркианские все стены, тонкий потолок, долго разбирали полуотрешенные слова. Кто-то сказал: «Не будем заливать, лозем быть из других отрядов, пусть почитают...»

В сентябре на улицах разорвалось 5364 снаряда. В те дни на стенах домов появились надписи: «Эта сторона улицы при артостреле наиболее опасна...» Сейчас одна такая надпись сохранена как память на здании школы в начале Невского проспекта. Возле нее всегда живые цветы.

Голод еще не ощущался — блокада только началась. Но в сентябре во второй раз была снижена хлебная норма: рабочие стали получать 500 граммов, служащие — и это до 12 лет — 300 граммов, иждивенцы — 250 граммов.

время затемнения видеть идущих на-встречу. Скоро все мы наделили эти круп-ные желтоватые значки.

Вглядывались в лица, опускаясь на колени, чтобы увидеть в лицо пер-вого на фронт. Мало что вернулся. Остались деревья — сейчас их густая листва достигла до шпильной крыш-

вглядывались в лица, опускаясь на колени, чтобы увидеть в лицо пер-вого на фронт. Мало что вернулся. Остались деревья — сейчас их густая листва достигла до шпильной крыш-

вглядывались в лица, опускаясь на колени, чтобы увидеть в лицо пер-вого на фронт. Мало что вернулся. Остались деревья — сейчас их густая листва достигла до шпильной крыш-

вглядывались в лица, опускаясь на колени, чтобы увидеть в лицо пер-вого на фронт. Мало что вернулся. Остались деревья — сейчас их густая листва достигла до шпильной крыш-

вглядывались в лица, опускаясь на колени, чтобы увидеть в лицо пер-вого на фронт. Мало что вернулся. Остались деревья — сейчас их густая листва достигла до шпильной крыш-

АВТОПОРТРЕТ, 1890 г.

СКРОМНЫЙ ХУДОЖНИК АНРИ РУССО

ОБЕЗЬЯНЫ С АПЕЛЬСИНАМИ, 1908

Художник Анри Руссо жил в прошлом веке. При жизни художника его картины считались глупыми, наивными, никому не нужными.

Лишь однажды дом Руссо, казалось бы, навестила слава. О его картинах с восхищением отзывался Гийом Аполлинер, известный поэт, и вокруг имени Руссо вдруг поднялась невообразимая кутерьма. К подъезду его маленького домика то и дело подкатывали лакированные экипажи на дутых шинах и сверкающие, как новые игрушки, автомобили. В доме хлопали пробки шампанского, там были шум, хохот, толкотня и давка в тесноте комнат...

Туда слетались, как ночные бабочки на огонь, ловкие прихлебатели, праздные бездельники, жаждущие повеселиться на чужой счет.

Художника целовали, тискали в объятиях незнакомые люди, какие-то пшино разряженные дамы бесцеремонно хозяйничали в его мастерской, и все в один голос говорили, что Руссо обеспечен всемирный успех, что ему нужен высокий покровитель и что вот-вот сюда придёт сам министр.

И казалось, что так все оно и будет, и скоро не придется ломать голову, чем накормить завтра семью.

Однако настало утро, когда пришла тишина. Умчался бестолковый и жестокий, бешено крутящийся смерч, эта кривляющаяся толпа благоухающих дам и нарядных мужчин.

Из комнат выметаются черепки битой посуды, папаша Руссо открывает настежь окна: надо, чтобы поскорей выветрился дух показной роскоши, фальшивых восторгов... Пора браться за дело.

Надо кормить и одевать многочисленную семью, содержать дом. Наконец, надо же как-то добывать деньги на покупку кистей, красок, холста, картона...

И ведь только изредка местный лавочник или какой-нибудь зажиточный чиновник позволит себе такую роскошь — заказать соседу-живописцу собственный портрет в кругу домочадцев или картину для украшения гостиной.

Правда, недавно некий беллетрист, любимец читающей публики, купил задешево несколько его полотен и развесил их в своей шикарной квартире. И любит после пирушки в ресторане приводить к себе пьяных кутил, чтобы посмеяться — «наохотаться до отвала», — как он говорит, над картинами Руссо. «Этого плюгавого таможенника Руссо», по выражению расфранченных завсегдаев вернисажей.

Да, Анри Руссо до пятидесяти лет служил таможенным чиновником и мог отдаваться любимому искусству полностью только по праздничным дням и воскресеньям; недаром его презрительно называли еще «воскресным художником».

Слова одобрения и дельные советы Руссо приходилось слышать, пожалуй, от одного только

КАРМАНЬОЛА,

1892

СПЯЩАЯ ЦЫГАНКА,

1897

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА

ЗМЕЙ,

1909

своего друга: от Поля Гогена, такого же самоучки и непрактичного мечтателя.

Гоген умел вдохновить и поддержать товарища в трудную минуту. Он восхищался картинами Руссо, находил в них необычайное звучание цвета...

Дружба двух художников длилась недолго. В поисках первобытного рая Гоген отправился в Полинезию. А Руссо, не покидая мастерской, продолжал свои совершенно фантастические путешествия в манящие тропические джунгли.

Нет, никогда художник не был в дебрях Африки. Правда, когда-то, чуть ли не прямо со школьной скамьи, ему пришлось переправиться через неоглядный Атлантический океан...

Но это было путешествие без радости: ведь юноша, как и все его спутники, был одним из солдат французской армии, которых Наполеон III послал воевать в далекую Мексику.

Впечатления от прекрасной и дикой мексиканской природы навсегда остались в памяти Руссо.

Не потому ли в его «тропических» картинах тигры, обезьяны и фламинго живут в окружении растений, удивительно похожих то на американскую агаву, то на стебли мексиканской кукурузы?

Среди многих экзотических, просто завораживающих полотен, таких, как «Маленький водопад», «Схватка с тигром», «Лев и антилопа», настоящей эпической поэмой звучит прямо-таки колдовская «Заклинательница змей».

К этой картине возвращаешься, находя в ней каждый раз что-то новое.

На берегу полноводной реки, на самой окраине тропического леса как бы вырастает из травы высокая, стройная фигура женщины с длинными распущенными волосами. Глаза ее светятся кошачьим блеском, к губам прижата маленькая флейта, на звуки которой из глубины джунглей, проникая сквозь листву деревьев, выползают чудовищно толстые змеи, зачарованные дивной музыкой. И розовая, странная птица, не боясь опасного соседства, тоже застыла, выйдя из воды, заслушалась волшебной мелодией...

И всю эту необычную сцену освещает холодным светом оловянно мерцающая луна.

Есть в этой картине глубокая мысль: искусство должно преобразить мир, укротить всяческое зло и насилие, искусство способно покорить мир своей чарующей силой.

Анри Руссо умеет находить и раскрывать красоту даже в скучновато-однообразной жизни серенького городского предместья.

Радостные краски его палитры словно сошли с народных росписей, а композиция картин изумляет строгой уравновешенностью. Все здесь продумано до мелочей.

Именно поэтому небольшие по размеру картины Руссо производят впечатление широких, монументальных полотен.

«Я сам» — так называется автопортрет Руссо 1890 года.

Давайте рассмотрим его внимательно.

Художник изобразил себя во весь рост в самом центре картины. Его фигура, застывшая в раздумье на середине проезжей дороги, рука, сжимающая кисть, пристальный и напряженный взгляд — все выражает готовность к работе. Торжественно скромн костюм, скромна, но исполнена достоинства поза. На голове черный берет, он подчеркивает принадлежность автора к цеху живописцев.

За спиной Руссо — корабль, нарядно украшенный флагами наций. Это мирный корабль, готовый поднять паруса и устремиться к открытиям новых чудес света и материков, танцственные отражения которых плавают в небесной синеве в виде облаков причудливых очертаний. Да и воздушный шар, заблудившийся в небе, тоже выглядит разведчиком будущего в заоблачных просторах. Не случайно любит Руссо населять небеса многих своих картин парящими в вышине грациозными летательными аппаратами и прозрачными баллонами аэростатов...

Главное действующее лицо этой картины все-таки не сам художник. Время, властно и неуклонно стремящееся вперед, движение и дух времени — вот что удалось передать Руссо в этой маленькой картине.

Все здесь говорит о том, что мир сегодня — это мир на пороге грядущего двадцатого века, накануне великих свершений человечества, может быть, грандиозных революций.

Обратите внимание, как искусно и, на первый взгляд, незаметно вплел художник кружево Эйфелевой башни в абрис корабля, в паутину канатов старинного такелажа.

Как раз тогда, в годы ее строительства, Эйфелева башня считалась образцом уродства у большинства парижской публики. А вот Руссо успел ее и поднял высоко над крышами и трубами старого Парижа.

Сын рабочего, обитатель глухой окраины, Анри Руссо до конца своих дней оставался пламенным почитателем Великой французской революции.

В 1892 году, к столетию Революции, Руссо создает свою «Карманьолу».

Это две многофигурные картины, посвященные волнующей художника теме.

Помните? «Есть дерево в Париже, брат. Под сень его густую друзья Отечества спешат, победу торжествуя...» И здесь, на картине, вокруг дерева Свободы закружились в отчаянно-веселой пляске под звуки «Карманьолы» революционные рабочие, солдаты, крестьяне...

Руссо был намерен использовать эти свои произведения как эскизы для росписей в зале Ратуши. Однако отцов города испугала крайняя революционность «Карманьолы». Полотно бесследно исчезло на долгие годы. Только после смерти художника его друзьями посчастливилось отыскать обе картины в лавочке букиниста на набережной Сены.

То, что вы прочли, — лишь несколько страничек из жизни скромного художника Анри Руссо, прожившего свою трудовую жизнь в крайней бедности и похороненного в общей могиле для немущих.

Работы этого замечательного мастера собраны ныне в известнейших и крупнейших музеях мира.

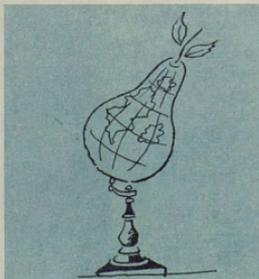
Творчество Руссо несет людям свет и радость, оно учит нас искусству мечтать.

Борис Семенов

НА ПЕРВОЙ ПЕРЕМЕНКЕ

— Как ты докажешь, что земля — шар?

— А я этого никогда не говорил.

— Ты опять принес двойку по истории! И не стыдно? Я в твоём возрасте получал по истории одни пятёрки!

— Тебе легко было. Тогда история была на пятьдесят лет короче!

ШУРКИНА

Игорь Нерцев

Рисунки

Ю. Шабанова

СТРАТЕГИЯ

ПОВЕСТЬ

...И вот разведчики остались одни. Готовность ко всему покальвала где-то внутри ледяными иглами, как хорошая газировка, и странно успокаивала.

Сережа сказал:

— А ведь правда! Главное, день особенный! Другого такого не будет... Пока все соберутся, пока обед, то да се... только бы на линейку не опоздать!

— Кровь из носу! — мрачно подтвердил Шурка.

— Ведь мы уже... вроде на полпути, правда?

— Пошли! — объявил Шурка.

Ложбиной перебежали вниз. Выбрались на тропу. С опаской оглянулись назад, но ничего страшного не увидели.

И зашагали, словно по каменным волнам. Долго это продолжалось: на бугор — с бугра, на бугор — с бугра. И никуда в сторону: слева — обрыв к морю, справа — каменные осыпи или колдушки.

Шурке-то было ничего, Шурка всю береговую тропу, как запомнилась с башни, — в голове держал. И в отличие от Сережи он хорошо знал, как меняется окружающий вид в пешем походе. Вроде минутной стрелки на бу-

дильнике: сколько ни смотришь — она не движется, а все-таки за час — полный круг проходит!

Незаметно скрылась точка на горизонте. Зато почти отвесная каменная стена за зеленым домиком словно выросла еще на пять этажей, надвинулась на самые глаза. Уже не разбежаться было взгляду путешественника — тут же упирался он в эту стену.

Домик все так же скрывался в темной листве, и лишь иногда — если дорога повышалась — видна была его крыша.

Берег, изрезанный бухточками, заставлял тропинку делать петли: затяжные подъемы к перевалу, а потом крутые спуски, где легче бегом, чем шагом. По прямой — так вышло бы раза в два короче.

Сережа устал; он ничего не успевал разглядеть по сторонам; его внимание было приковано к Шуркиной спине. Почему там, где тропа раздваивалась, Шурка выбирал левее? Или правее? Останавливать, спрашивать — жалко было времени, а кричать на ходу уже не хватало дыхания.

И куда пропал утренний ознобный холодок? Лучи солнца — словно стая оводов, даже через рубашку вовсю кусали плечи.

А какая твердая эта тропа! Все камень да глина — нигде нет упругой влажной земли.

Окончание. См. «Костер» №№ 7, 8, 1973 г.

И звук — монотонный, через пятки, изнутри в барабанные перепопки: «Тумб-тумб-тумб-тумб...» Не только пятки — даже уши отбило!

Но вот бугры кончились, тропа стала расширяться, расширяться — и превратилась в желтую вытопанную площадку, окаймленную пучками полуживой от сухости травы. Впрочем, вдоль верхнего края площадки полоска травы сияла настоящей свежей зеленью.

На желтизне глины пепельные пятна с черными крапинками углей обозначали места давно отгоревших костерков. Виднелась кое-где ржавь старых банок, белели лоскутья газет. Шурка, наконец, остановился, чтобы дождаться Сережу.

— Поздравляю! — объявил он. Потом — широким округлым жестом как бы преподнес Сереже всю эту площадку.

— Ну, что? — не понимая, хмуро спросил Сережа.

— Что — «что»? — в свою очередь обиделся Шурка. — Первый, вот что!

— Кто первый? Где — первый?

— Родник первый! Я — еще с башни запомнил, а сейчас иду и все думаю: когда же?!

Сережино лицо оживилось.

— Нет, правда? — переспросил он и внимательно огляделся. — Так ведь... ничего нету, только глина наверху — сыроватая?!

— Нугу! Это сейчас «нету», когда самая жара! Сейчас только под травой сочится — видишь, какая зеленая! А весной есть, и осенью есть. Вот желобок в глине, совсем затоптан, и камушки затоптаны... А кто-то старался, обкладывал.

Сережа с восхищением глянул на Шурку. Как это у него всегда: наблюдение к наблюдению, новое — к прежнему, и вдруг — вывод получился! И видишь то, чего глазом не видно. Умом видишь. Вот талант! Нет, с таким командиром — хоть на край света!

Вскоре увидели второй родник. Теперь и Сережа кричит сзади: «Второй, да?!» Сверху вниз, поперек тропы — цепочка зеркальных углублений, каждое — величиной с пригоршню. Вода в них прозрачная-прозрачная, а друг с другом лунки соединены мокрыми дорожками. Так уступами и просачивается к обрыву...

Пройдя в гору десяток шагов, нашли исток. Обыкновенной сквородкой можно было накрыть это круглое мокрое место, усеянное — сразу не определишь — то ли очень крупным песком, то ли очень мелкими камешками. Здесь вода была холодная, а там, в последних перед обрывом лунках, ощущито теплая.

Отлив прямо ртом (мелко, не зачерпнешь!) по несколько глотков и похвалив воду, путешественники зашагали дальше. Тропа забирала все правей и выше, прижимаясь к самому обрыву.

Подковообразная линия вырезала из каменной толщи берега уютную площадку пляжа, усеянного голубоватой галькой. И с высоты трехэтажного дома до чего завлекательно выглядел этот открытый морю и отгороженный от всей остальной тверди маленький мир! Подходящий спуск намечался тут же, у самых ног. Разумней казалось пробраться низом.

Крикнув Сереже: «Ты постой пока!» — Шурка стал сползать по уступам.

Все. Он внизу. Галька скрежещет под его ногами. Шуркино лицо озабочено, он машет рукой:

— Стой, не спускайся! Я сбегу в тот конец и крикну!

Добежал. Карабкается. Тот край пониже, чем здесь. Но что это? Стоп... Вправо, влево — не за что зацепиться. Осталось над головой Шурки еще два его роста — до тропинки.

Быстро спустился вниз, стал ходить вдоль каменной стены. Качает головой: в других местах еще хуже! Ловушка!

Обернулся, кричит:

— Сере-ож! Ты не сердись! Давай скорей поверху, в обход!

Для понятности рукой в воздухе очерчивает подкову.

Сережа пожал плечами: а дальше-то будет делать?

Шурка — уже свирепо:

— Ну, давай, давай! Времени нет!

Сережа обиделся. Два слова сказать жалет! Начальник! Ну и ладно...

И, не глядя больше на Шурку, побежал по тропе.

Странное дело! И причина для обиды была у Сережи, и путь ему достался тяжелей, чем Шурке, но, только он побегал, непонятная радость зазвенела где-то в душе. А обида, как ни пытался он продлить ее — заглохла совсем.

Потому что не тащился он больше за Шуркой, как на ниточке; не цеплялся взглядом за его спину; не маялся, разгадывая бесконечный ребус Шуркиных действий, а был теперь сам главный, и вся «подкова» была его собственной дорогой, и до другого конца ее все зависело только от него.

В одном месте поскользнулся на мокрой глине: третий родник! Вскочил, побежал дальше. На бегу, сам того не замечая, кричал во все горло: «Аа-оо-эээ-ааа!..»

И даже сгоряча проскочил место, под которым внизу томился в ожидании Шурка. Схватился, вернулся, переводя дыхание, к самой кромке, нагнулся — и прямо под собой увидел запрокинутое кверху лицо.

— Я уж думал, ты мимо пробежал, — ворчливо сказал Шурка. — Орет, как корова.

Сережа виновато улыбался.

— Ну?! — Шурка был удивлен Сережи-

ным бездействием. — Веревку ты потерял, что ли?

Вот оно что! Моток веревки Сережа таскал за пазухой во все вылазки, она и сейчас была с ним. Разматывая веревку, Сережа видел, как ловко «начальник экспедиции» взбирается на ближний уступ. Веревки хватало с запасом.

— Там какой-нибудь пенек или кустик есть — закрепить? — озаботился Шурка.

— Нич-че-го! — с сожалением доложил Сережа.

— Тогда ложись и держи покрепче двумя руками. И отползи дальше: тут край острый, тоже будет задерживать, чтоб не скользила...

Только Сережа лег, не успел животом удобнее уместиться — как вдруг веревка натянулась. Он напряг все силы. Веревка ползла, обжигая ладони.

Нагрузка передавалась толчками, иногда заметно ослабевала. Видимо, Шурка использовал малейшие выступы, чтобы упереться ногой, дать передышку.

— Как ты там? — крикнул он.

— Давай поскорее, — сдавленным голосом попросил Сережа.

Едва выглянув из-за обрыва, Шурка одним бешеным рывком перекинул себя на эту сторону.

Потом они двинулись дальше, но никак не удавалось шагать рядом по узкой тропе. И с непонятной для Шурки мольбой Сережа попросил:

— А можно, я пойду первым? Тут совсем уже простая дорога...

Шурка только плечами пожал: иди, если хочешь, разве не все равно?!

Минуты через две быстро хода увидели еще один ключ — но какой! Целый ручей бежал от аккуратного деревянного лотка.

И, хотя виднелась кое-где вкрапленная в глину яичная скорлупа — видно было, что площадку вокруг лотка кто-то заботливо очищает.

— Третий! — за спиной Сережи вслух при считал Шурка.

— Нет, последний — четвертый! — со скромной гордостью поправил Сережа.

— Как это — четвертый?

— А так! Помнишь, я наверху споткнулся? Это я поскользнулся, там родник, вода течет по глине и сохнет.

— Вот чудила! — слегка обиделся Шурка. — Что ж ты не крикнул?

— Я подумал — потом скажу.

Шурка вдруг сокрушено вздохнул:

— Что значит — без бинокля! Если бы я в бинокль все рассмотрел...

— Ты и так все рассмотрел!

— Гляди, фокус покажи! — Шурка вытащил из кармана горсть мелких седоватых камешков, плеснул на них водой. От воды камешки мгновенно окрасились в густые, сочные цвета: темно-зеленый, синий, вишневый, шоколадный! На них проступили белые, розовые, голубоватые, лимонные прожилки и крапинки...

— Это я там внизу набрал, — объяснил Шурка. — Между больших камней попадаются. Сестренке моей, Танюшке... Она в банку положит, нальет воды...

— Хитрый! — вздохнул Сережа. — А у меня тоже сестренка, тоже Танюшка, ей таких камешков не достанется...

— Дай руку! — Шурка немедленно отсыпал в Сережину ладонь половину богатства. — Да бери, бери!

— Ну уж... — Сережа порозовел от удовольствия. — Смотри, самый красивый мне попался! Возьми обратно!

— Да ладно, подумаешь! — Шурка не стал смотреть, чтобы не растревать в себе мелкой жадности.

— Я тебе тоже что-нибудь подарю, самое-самое, — сказал Сережа.

На подходе к домику вид местности совсем переменялся. Стало влажнее, прекратился беспрерывный и утомительный уклон в сторону моря. Не камень, не глина — здесь уже была настоящая земля. Ровная поляна, зеленеющая сочной травой, шла до самых деревьев, окруживших домик.

И тропа отошла, наконец, от обрыва, не была уже береговой.

Тусклая досочка, прибитая к колышку, показалась впереди.

Трава становилась все гуще, и вот — даже ромашка выглянула, странная — не с белыми, а словно ржавчиной обрызганными лепестками.

Печатные буквы на досочке проявились двумя словами:

ПРОХОДА НЕТ

Ребята подбежали, присели на корточки.

— Да ну, совсем старая надпись! Лет десять или еще старей! Значит, уже не считается, — успокоительно объявил Шурка.

Сережа встал, огляделся.

— Шурка! — сказал он, переходя на шепот. — А тропинка-то здесь кончилась! Все. Точка!

Действительно, один слабый след отвилнул влево, к морю. Другой еле заметно шел вправо в поисках подъема по каменной стене, закрывавшей его полнеба. Если бы здесь подняться — объяснилась бы загадка невидимой теперь точки на горизонте. Где-то тут, над головой, на плоской верхушке этого гигантского каменного обрыва пряталась неразгаданная точка.

Трава по направлению к домику была слегка примята, но нигде не вытоптана до лысин. И одно было несомненно: большинство дошедших досюда шли не влево, не вправо, не прямо, а возвращались по тропе обратно!

Шурка однако не сдавался.

— Так ведь тут все взрослые ходят! Они прочтают и подумают: мало ли что... лучше вернемся... А мы — дети, с нас что возьмешь? — лукаво заключил он.

— Ты еще скажи: читать не умеем! — посоветовал Сережа.

— Да мне же сам начальник заставы сказал, — упорствовал Шурка, — раньше в этом домике был пост...

— Что-то ты раньше по-другому говорил, — засомневался Сережа.

Шурка вспыхнул:

— А я тебя не заставляю! Можешь подождать меня тут!

— Ага, — с обидой огрызнулся Сережа, — храбрый тебя нету.

Шурка сорвался с места, за ним — Сергей.

Перегоняя друг друга, они лихо домчались до толстых бревенчатых ног домика. Ступеньки вполне исправной лестницы поднимались к его двери.

Ребята перевели дух, огляделись. Так удивительно было наконец оказаться в тени. Таинственной, страшноватой...

Огромные деревья с почти черными невиданной формы листьями важно шелестели над головой. От двух больших белых изоляторов под самой крышей домика провода уходили в неизвестность вдоль вереницы деревьев.

Застывая на каждой ступеньке, Шурка и Сережа поднимались к двери. Клиновидная щелка была просунута сверху вниз в плоскую металлическую петлю. На щелку у пересечения с петлей жирно блестела карандашная черта.

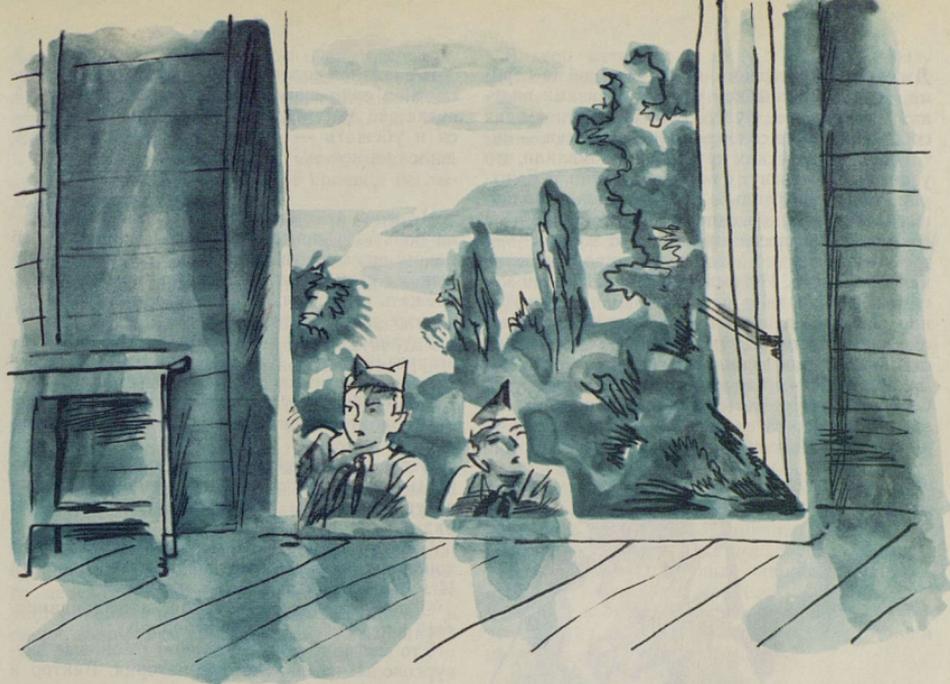
Прятели переглянулись.

— Еще можно вернуться! — сказал Сережа, но тем потихоньку подталкивая щелку снизу.

А Шурка ухватился сверху и вытянул щелку из петли.

Освобожденный металлический язык, неприятно звякнув, откинулся влево. Дверь сама стала бесшумно открываться на ребят. Они невольно потянулись на пару ступенек вниз, в полной готовности задать стрекача.

Домик — с окнами во всю стену, коричневым крашеным полом и белым потолком без лампочки — был внутри совершенно пуст.

В окне слева, облитая солнцем, сверкала вдаль игрушечная сахарная башня, из которой он впервые разглядел этот домик. За деревьями синело море.

— А здорово тут в парход играть! — сказал Шурка. — В океанский!

И, поворачивая в воздухе воображаемое штурвальное колесо, скомандовал:

— Малый вперед! Поднять флаги! Закрывать люки! Полудра на полубаке!

Потом обернулся и прикрикнул строго:

— Эй, там, в машине! Заснули, что ли?

— Шурка! — неожиданно сказал Сережа. — Там внизу кто-то есть...

Шурка кивнул Сереже: давай, мол, выглянем?

Они шагнули к двери — и невольно отпрянули назад.

Внизу под лестницей стояла большая красивая остроухая овчарка.

Шурка рывком затворил дверь и замкнул ее изнутри проволочным крючком.

Минут через пять мелькнула за окном зеленая фуражка, тяжело заскрипели ступени.

— А ну, открывай, нечего крючки ломать! — донесся снаружи молодой бас. Шурка поднял крючок.

Наклонившись под притолокой, в комнату вступил ефрейтор. Зорко осмотрев ребят, он объявил без улыбки:

— Приказано сопровождать к вашим няням. Выходите!

Всполошив глядя по сторонам, ребята спустились по лестнице.

Собаки нигде не было. Больше ее не видели. И потом, вспоминая, часто спрашивали себя: уж не приснилась ли она им обоим в один и тот же момент?

Возвращались прежней дорогой. Ребята впереди, ефрейтор — за ними.

Он шел, приравливаясь к скорости ребят, улыбался и часто сдвигал фуражку на затылок.

Но лишь только ребята начинали оборачиваться — моментально хмурил брови, сжимал губы и поправлял козырек.

Таким он и остался в их памяти, так и в отряде потом рассказывали: грозный молчаливый великан...

...В возбужденном событиями лагере не могли дожидаться вечерней линейки. Приключения, переживания, фантастические слухи, споры очевидцев и всевозможные предположенья — все это требовало «приведения к общему знаменателю».

Кое-где столкновение мнений грозило довести до драки, и спорщиков умирляли окриком: «Да потерпите же вы, скоро линейка!»

Всех поразило известие о том, что «главный нарушитель» был задержан в кабинете

Дмитрия Игнатьевича. Одни вообще не верили, другие, со ссылкой «своими глазами видели» утверждали, будто Дмитрий Игнатьевич собственноручно связал «злодея», третьи — активисты технических кружков — заявляли, что успех был достигнут с помощью радио, а Дмитрий Игнатьевич только был свидетелем подвигов Славы Малиновского и его команды.

Правдивее рассказывалось про женщину — тут действительно множество народа видело, как было дело. Истомленные ошибочными нападениями на ни в чем не повинных курортниц, младшие девчонки чуть было не пропустили настоящую «нарушительницу» (а она не спешила — позагорала, окунулась, и в платье, прилипающем к плечам, шла себе, помахивая босоножками)... Но в двух шагах разглядели: уж настолько «та самая», настолько — точь-точь с фотографии!

И раздался вопль, сильнее всех прежних. Неспетная орда окружила «нарушительницу». А когда она легкомысленно попыталась вырваться и убежать — огромный живой ком обрушился на нее...

На фоне этих главных событий не привлекала большого внимания смутная молва еще об одном происшествии. Будто бы двое мальчишек из второго отряда под шумок пытались убежать из лагеря, но их поймали пограничники уже далеко отсюда. За «сто километров». Трудно было представить, чтобы кто-то всерьез рвался из Ключевского. Чуть ли не все хотели бы остаться здесь еще на смену.

Но, к общему удивлению, слух о беглецах начал подтверждаться, едва только выстроились на линейку.

Отдельно ото всех, под охраной четырех пунцовых от важности рослых девчонок, стояли, потупившись, два мальчугана из второго отряда.

Ребята мельком взглядывали на них. Но вот хорошо знакомым движением руки Дмитрий Игнатьевич призвал всех к тишине.

Общее желание исполнилось: неожиданно в игре было — хоть отбавляй.

Кто сыграл «нарушителей»? Молодые экскурсоводы из дальнего санатория. Виктор и

Алла. За Аллу в штабе игры очень беспокоились: выдумщица, слова серьезного не скажет, все шуточки! Однако она точно выполнила договор — не считая неудавшейся попытки убежать от малышей.

А Виктор договаривался четко, подробно, даже скучновато — но в игре проявил неслыханное мальчишество.

Никого не предупредив, он надел старый миллицейский китель без знаков отличия, раздобытый в самодеятельном театре. Совершенно переменил прическу. И в таком виде вышел к дозорной линии.

Дмитрий Игнатьевич всем поставил в пример сообразительных дозорных из второго отряда. Никакие ухищрения не помогли «нарушителю».

Связной Владимир Углов вовремя доложил о нем штабу. Наблюдатель Геннадий Брыкин незаметно преследовал его.

Виктору, тем временем, пришла в голову еще одна дерзкая мысль. Он решил заглянуть на секунду... в штаб! Похвастаться, что прошел незамеченным!

Там, кроме Дмитрия Игнатьевича, находилась команда Малиновского: дежурили у своего передатчика. Радистка Вера Бойкова, не растерявшись, прошмыгнула мимо Виктора к двери, закрыла ее на ключ, а ключ вытолкнула под дверь.

Виктор метнулся к окну... и увидел внизу Володю Битенкова вместе с Вовкой Угловым. «Все!» — крикнул Вовка. По условиям игры «нарушитель» считался задержанным, как только дозорные покажут его начальнику штаба.

— Я думаю, — сказал Дмитрий Игнатьевич, — герои дня честно заслужили, чтоб мы не только назвали их имена, но и вручили им небольшие подарки.

Дружные аплодисменты всей линейки утвердили это предложение.

Инженеры Битенков, Малиновский и Забелин, притворно сгибаясь от тяжести, подтащили картонный короб с подарками.

Первыми были торжественно вызваны Вовка Углов и Генка Брыкин. Они получили по сигнальному фонарю с тремя цветными фильтрами и запасными батарейками.

Тут произошла неожиданная заминка. Вовка сначала фонаря не брал и пытался что-то объяснить вполголоса Дмитрию Игнатьевичу. Начальник лагеря, тоже вполголоса, убеждал в чем-то Вовку и вручил, наконец, фонарь.

Шорох восхищенья пронесся по рядам, когда Вовка и Генка возвращались на свои места: Брыкин включил фонарь и на ходу менял цвета: красный, зеленый, желтый...

— Вера Бойкова! — вызвал начальник лагеря.

— Меня? — только на секунду смутилась Вера, но подходила уже гордым шагом, не вероятно задирая нос.

Верке — с учетом ее научно-технических навыков — был подарен небольшой микроскоп. Мальчишки смотрели и вздыхали, а все девчонки словно подросли от гордости за Верку.

Настала очередь малышей. Тут все были — как один, и коллективная храбрость была отмечена тремя коробками шоколадных конфет на весь отряд.

— Филимонов Гоша! Кузовкин Толя! — прозвучало над площадкой.

Гошка и Кузя догадались, что их вызовут. Они шагали уверенно, чинно, с непривычно благообразным видом.

Ох и досталось им сегодня! После Шуркиного предупреждения они так усердно занялись поисками, что «камни дыбом стояли». Фото пленку нашли довольно быстро. Сообщили в штаб (у старшего отряда была прямая радиосвязь с командой Малиновского), радист дежурил в тылах дозорной линии).

Из штаба передали приказ: немедленно явиться в фотолабораторию, проявить «секретные записи», поскорее высушить пленку и срочно напечатать большие четкие снимки, да так, чтобы каждое слово читалось. А выполнив задание, сдать лабораторию в образцовом порядке.

Для Гошки и Кузи приказ этот был — нож острый! Сколько раз уже им влетало за грязь и беспорядок в лабораторию. То ванночку разобьют, то растворы перепутают, то засветят фотобумагу. Прольют — не вытрут, даже не заметят, что под ногами чавкает! И снимки у них были тусклые, нерезкие, не хватало терпения постараться...

Семь потов скатилось с приятелей, пока они выполняли задание штаба. Чуть ли не в первый раз по-настоящему убрали за собой. Весь лагерь их ждал.

И ведь, оказывается, могли они хорошо работать! Отпечатки сделали — просто заглядень!

Штаб решил: Филимонов и Кузовкин заработали по выстрелу из ракетницы. Так что сигнал отбоя подавали именно Гошка с Кузей.

Были отмечены и остальные находки. Малыши занимались «химической разведкой», нашли пузырьки с бесцветной жидкостью. При добавлении нескольких капель из другого пузырька (тоже бесцветных!) — неизвестная жидкость окрашивалась в густой розовый цвет.

В одном из девчонских отрядов услышали странные сигналы и обнаружили спрятанный приемник, включившийся от часового механизма.

...Настала минута огорчений. В одном из младших отрядов прозевали тайник с игрушечными пистолетами.

Старшие девчонки, образцовые помощницы штаба, сами попались на пустяке. К ним все время доносился одеколонный запах — они только смеялись, подозревая друг друга: кто надулся? А под пучком травы пролежала всю игру так и не найденная записка — шифрованное сообщение, обрызганное духами...

И, наконец, на переносном экране всей линейке была показана... кинокомедия!

Кое-кто из старших мальчишек во время игры самовольно убежал с участка на поиски здешних кислых ягодок. «Скрытая камера», установленная возле ягодных кустов, автоматически снимала все эти вылазки. Самое смешное, что в комедию попал даже главный конструктор автоматки — ведь он был уверен, что устроитель готовится для надзора за малышами! Кадры, где он, воровато озираясь, ломится через кусты — были признаны лучшими во всей лагерной фильмотеке.

— Ребята! — сказал Дмитрий Игнатьевич и вздохнул. — Я понимаю, кто-то лучше справился с заданием, кто-то хуже, одним больше повезло, другим меньше — но ведь все старались! Мне бы хотелось теперь поблагодарить вас всех, всех до единого. Но, к сожалению... — (и тут, как по команде, все взгляды обратились к Сереже и Шурке) — к сожалению, нашлись среди нас два человека, которые по сигналу отбоя отправились гулять — подальше от лагеря... Без зазрения совести... Я не знаю, куда бы они пошли и чтобы мы все сейчас делали, если бы пограничники не привели их обратно. Фамилии этих людей — Горюнов и Деятов. Они из одного отряда с нашими сегодняшними героями, Вовой Угловым и Геней Брыкиным.

И, словно подчеркивая рукой неприятную тему, подытожил:

— До выяснения всех обстоятельств — три дня без купания. А там посмотрим...

Однако «зачеркнуть» на время Сережу и Шурку Дмитрию Игнатьевичу не удалось.

Вовка Углов, в каком-то испуге, грозясь даже вызвать отца, убедил Лайне Антосовну отправиться в штаб сразу после конца линейки:

— Потому что если мы сейчас не пойдём, они тогда ни за что пострадают, а я тогда в отряде не останусь, я завтра на линейке фонарик брошу, и ничего мне тут не надо, пускай меня папа с мамой забирают...

Брыкин своим молчанием как бы поддерживал Вовкину скороговорку.

Пришли в штаб, к Дмитрию Игнатьевичу.

Малиновая от смущения, Лайне Антосвна попыталась объяснить:

— Это ребята... Они говорят — срочно! Обязательно...

— Что ж, заходите...

И Вовка заговорил. Слова у него подталкивали друг друга в спину — так школьники мчатся к раздевалке с последнего урока...

Дмитрий Игнатьевич выуживал из этого потока истинный порядок событий. Выходило, что Горюнов привел в движение всю цепочку, последним звеном которой была «сцена у окна» — здесь, в кабинете.

— Но сам-то он где оказался? Уже за родниками!

— Нет, погодите! — волновался Вовка, размахивая фонариком. — «Бессовестный!» — вы сказали. При всех! А он сначала дел сделал! И разведку подготовил! И нас научил! Выходит, про плохое надо говорить, а про хорошее — не надо?

— Ммм-да-аа... — протянул начальник лагеря.

А через несколько минут в дверь постучалась... другая делегация из того же отряда. Братья Степановичи.

Никифор бережно положил на стол прямоугольный газетный сверток.

— Это Горюнов и Девятков нашли. Вот, которых поймали... — сказал Арсений. — Еще до отбоя выкопали. Мы им слово дали, что никому не скажем... Но, раз такое дело...

Твердый человек был Арсений, но все же не каменный! Родной брат еле уговорил его.

— Ну-ка... — Дмитрий Игнатьевич с любопытством развернул газету. Сумка!

С такой же точно сумкой сколько он отшагал по фронтовым дорогам...

— Где, говоришь, нашли? — тихо спросил он у Арсения.

— Да на своем участке, в игре. Им камни мешали за кустом прятаться... Стали колупать, и вот...

«Эх, к линейке не успело!» — подумал Дмитрий Игнатьевич. Тут забежал на минуту Володя Битенков сказать, что, по его мнению, Шурка — славный мальчуган, и «нельзя ли как-то помягче?»

Только Володя вышел — в дверь снова тихо постучали. Дмитрий Игнатьевич даже привстал: на пороге мялись Гошка и Кузя.

— Дмт Игнатьич! — забубнил Гошка. — Мы только насчет этих ребят пойманных... Вот, который из них тощий, забыл, как звать...

— Горюнов! Шурка! — любезно подсказал Дмитрий Игнатьевич.

— Ага, Горюнов! Так вот, он прибежал в самом начале, говорит, приказали из штаба все камни переворачивать: тайник может быть...

Так бы нам... ни к чему было камни-то перекувыркивать. А так, думаем — из штаба... Ну, так и стали двигать... а как увидели — так прямо ошалели! Главное — он так на меня посмотрел... Выходит, не только наша заслуга — и его тоже. Так или не так?

— Спасибо, ребята! — просто сказал Дмитрий Игнатьевич и обнял их за плечи. — Все рассказали? Ничего не забыли? Спасибо вам большое! Меня, знаете, что радует? Что у нас — никому чужой славы не надо! Вы меня сейчас еще больше обрадовали, чем во время игры. Ну — идите.

Когда Лайне Антосвна привела Сережу и Шурку — начальник лагеря уже имел об их личностях довольно полное представление.

Сережу-то он вспомнил сразу: мальчик, которого привезли с опозданием в длинном красном «лимuzине». Вспомнился и Сережин отец — инженер, изобретатель.

Но по всему чувствовалось: главным затейником был Шурка. Недаром тут целая очередь стояла — заступаться за него!

Еще Степановичи напомнили: этот Шурка самого начальника заставы при зеленой домик спрашивал. Давно, в начале смены. С дерева он, что ли, разглядел тогда. Просил Битенкова поход туда устроить!

Дмитрий Игнатьевич молча долго рассматривал белгцов. Сережа опускал ресницы, Шурка — по глазам Лайне Антосвны учуяв перемену к лучшему — отвечал готовым к обороне пристальным взглядом.

Расцепив и снова сцепив узловатые пальцы, Дмитрий Игнатьевич просто спросил:

— Купались?

Шурка биделся:

— Что мы, купаться ходили?

И Сережа поднял глаза: зачем нарочно-то наговаривать?!

— Ну вот! — ворчливо рассудил Дмитрий Игнатьевич. — Убегать — так можно, а купаться — нельзя!

Но видно было, что ответом доволен.

— Домик-то хоть успели посмотреть? — любопытствовал он после некоторого раздумья.

— Ну-у! Мы и снаружи, и внутри! — с готовностью доложил Шурка.

— Так. И если бы никто не пришел?

— Да мы через три минуты уже домой бы помчались! И так ведь до линейки пришли!

Дмитрий Игнатьевич снял со стола газету — ребята увидели планшетку.

— Эх, ребята! Как бы я обрадовался вам, если б вы это мне сами принесли! Сколько раз думал: нет ли у нас следопытов?. Музей боевой славы устроить бы... — Он прищурился. — Может — один только день без купанья? Так сказать, символически...

Шурка мотнул головой, Сережа замахал руками:

— Нельзя, нельзя! Вся линейка слышала — три дня, а выйдет — неправда. Тут кто угодно побжит, без всякого соображения... А потом спасай его!

Начальник лагеря кивнул. Сережа и Шурка подумали, что сейчас их отпустят, — но Дмитрий Игнатьевич молчал и как-то странно на них смотрел.

— Сложные у нас отношения! — промолвил он наконец. — Вы у меня провинившиеся — но и я у вас как будто в долгу... Будут какие-нибудь просьбы — идите прямо сюда!

На утренней линейке Шурка и Сережа предстали перед лагерем уже в новом качестве. В

небывалой тишине выслушали все отряды сообщением об их находке.

А потом, хотя и в отвсетах необыкновенного — покатались обыкновенный летний день, прекрасный и обыкновенный день мирной жизни.

...Лайне Антсовна шла навстречу Шурке из канцелярии, и левую руку почему-то упорно держала за спиной.

— Шурик! — задорно сказала она. — Шурик, спящий: «каалинка-малинка»!

Посылочный ящичек, чуть больше пельменной коробки, лежал у нее на ладони. Самые крупные буквы составляли приписку: «для Шуры Горюнова».

Шурка побежал к стене дома, в тень, поставил ящичек на каменный выступ. Крышка, прибитая с надлежащим старанием, долго не поддавалась. Обламывая фанерный угол, Шурка все же сорвал ее.

Сначала увидел то, что явно было добавлено для заполнения пустого места: несколько лодочек, вырезанных неумело, но старательно из толстой, податливой, буро-красной сосновой коры, и кулек любимейших соевых батончиков «с холодком внутри». На прокладки и обертки друг Леша бесцеремонно извел свои, блистающие пятерками, прошлогодние тетради.

А вот и бинокль. Шурка схватил его, приставил к глазам... Увеличенные подробности мира обрушились на него, закачались в поле зрения... Неожиданно всплыло лицо Лайне Антсовны — так крупно, что Шурка невольно отшатнулся. Она смотрела чуть растерянно, выжидающе. Шурка оторвался от бинокля, возлом подпрыгнул несколько раз, подтверждая: «Я рад, очень-очень рад!» — и снова приник к окулярам.

И круг света поплыл перед его глазами. Пароходики — черные грузовые и белые пассажирские — обьявились под своими дымами; смешные толстые дядьки, оказывается, приседали шеренгой в тени деревьев взрослого санатория; даже в пустом небе над перевалом обнаружился застывший, неподвластный земному притяжению коршун. Может быть, он там замер еще в день Шуркиного приезда — но только сейчас удалось его разглядеть.

Шурка опустил бинокль. И вдруг догадался: надо посмотреть на все с башни! Бросился к Дмитрию Игнатьевичу — так, словно башня могла через минуту исчезнуть.

— Вот! — Шурка показал ящичек. — Я бинокль получил... посылку... Можно мне в башню сбегать? Только посмотрю кругом — и назад.

— У двери, на гвозде — ключ... Дотянулся? Сними... Открывает легко. Там, кстати, и мой бинокль висит, можешь посмотреть. Только осторожно. Это — память о моем друге...

Открывая замок, Шурка думал: как неровно течет жизнь! То — совсем ничего, а то вдруг — сразу все! Даже сил столько нету почувствовать. Уж хотя бы на два дня растянулось...

Как и в первый раз, Шурка видел белые точки изоляторов под крышей. И тогда он поднес к глазам бинокль. Как все сразу выросло! Вот серые от времени деревянные рейки, которыми прибита темная, в смолистых потеках кровля. Вот окна — в стекле отражается небо, из-за этого внутри домика ничего не видно. А вот и лестница — она скрылась в пятнистой живой тени от листьев.

Потом Шурка посмотрел выше, на каменную стену. Следы многочисленных осыпей казались дорожками наверх. И Шуркино любопытство быстро взбежало по ним к ровно срезанному горизонту.

По этой линии взгляд его заскользил к морю. И вдруг Шурка увидел на давно знакомой черте совершенно новый предмет: какую-то странную треногу.

Шурка оторвался от окуляров — никакой треноги не было, только точка — все та же.

Опять приставил к глазу нагревшиеся пластмассовые кольца. Тренога! Внутри бинокля она, что ли?

И наконец догадался: точка на горизонте и есть та самая тренога. Три длинных жердины, скрепленные наверху.

Облизывая сохнущие губы, Шурка обернулся: футляр с биноклем Дмитрия Игнатьевича — на крючке, в простенке.

Приподнимаясь на цыпочках с тяжелым футляром в руках, вскидывая ремешок, как ямщик вожжи, Шурка после нескольких попыток сдернул бинокль с крючка.

Присел, отстегнул толстую кожаную пряжку, открыл футляр... Тонкий старинный запах потянулся от темно-зеленой с отливом бархатной внутренней оклейки. Бинокль будто целился в Шурку двумя огромными линзами.

Робея под этим пучеглазым надзором, Шурка вынул бинокль и поскорей повернул окулярами к себе. Долго не удавалось сдвинуть их ближе — по Шуркиным глазам. Ага... так... теперь проверяем резкость... Ну, смеее!

Шурка ахнул! Все было чуть темней в поле зрения этого бинокля — но зато насколько подробнее!

Вовсе это не жердины, а рыжие железные трубы со вмятинами. И наверху — толстые железные скрепы. И не веревка — скорее, стальные тросы, целых три! С их помощью в железном треугольнике подвешен огромный металлический стакан — пустая снарядная гильза. А из стакана торчало что-то очень похожее на фитиль...

война, непогода... Скоро должен высадиться наш десант... Партизанский отряд дает задание двоим ребятам, Шурке и Сереже...

Под прикрытием темноты надо выйти к заброшенному святильнику и в условленный час зажечь его!

Ребята под лохмотьями прячут бутылки с маслом для коптилок. Вот зажигалка, вот толстый шнур-фитиль.

Командир отряда надевает на Шуркину руку свои часы с зеленоваты мерцающими цифрами. Шурка запоминает: в двадцать три пятнадцать!

Идут... Скользко, темно, промокли насквозь. Враги наобум стреляют трассирующими пулями.

Вот, наконец, и вышка. Прятаться негде — надо лежать. Ничего, осталось двадцать ми-

Маяк?

Шуркино воображение разыгралось. Ночь,

нут! Масло уже залито в гильзу, фитиль пропитался...

Кажется, с моря донесся стук мотора... Сколько на часах? Время! Зажигалка согрелась в руке. Р-раз — и огненный язык ослепил репорт!

Теперь — бегом, к единственному крутому спуску по каменной стене. Там, внизу — ждать наших. Перемахнули, уже спускаемся. Только бы не сорваться! Пулеметные очереди сменились артобстрелом. Недолет, перелет — маяк все светит! По его огню наши катера уже вышли к бухте, которая не простреливается из вражеских орудий.

Бабах! Взрывная волна погасила пламя. Но теперь темнота даже к лучшему — десантники уже бегут по галечному пляжу. Ур-ра-а-а!

Конец фильма!

Большому биноклю ужасно не хотелось лезть обратно в футляр. И напоследок Шурка пробежался взглядом по лагерю: кто чем занят? Не улыбнуться было нельзя: как будто великанская рука подносила к Шуркиным глазам людей, даже не подозревавших, что кто-то наблюдает за ними.

Обнаружился невесть куда запропавший Сережа. Никуда он не пропадал, а всего лишь, в ожидании Шурки, побегал в палату за своей любимой книжкой о дельфинах. Выйдя из палаты, раскрыл ее — да так и застыл на месте.

Мимо него прошли Гошка и Кузя с необсохшими еще лапами под мышками. Руками они

изображали на ходу какие-то обстоятельства своих ныряний — как летчики, пересказывающие воздушный маневр.

Пробежал Вовка Углов... Шурка вздохнул: сколько людей успеваешь узнать за смену... Уже начался обмен адресами. Много их набралось и у Шурки.

В коридоре он вдруг остановился перед зеркалом... Сроду он не гляделся в зеркало — разве только когда подрисовывал усы. Или с очередным синяком — в стекло витрины, по дороге домой.

Шурку удивил собственный взгляд. Не исподлобья, как бывало... без всегдашней готовности огрызнуться, оборониться... Спокойствие, даже уверенность были видны в этом встречном взгляде.

Непривычное новое выражение не понравилось Шурке. «Толстый какой-то...» — заключил он про себя, медленно спускаясь по лестнице.

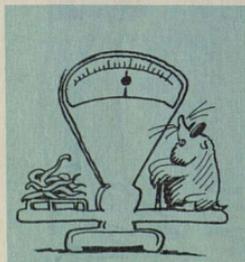
Странно все-таки... Живешь — ни к кому не пристаешь, сам себе находишь занятия...

Но если есть у тебя своя забота и цель, ты уже не пылинки на ветру, уже не безразличен окружающим, тебя замечают, принимают как своего люди, которых и ты заметил... И ты уже не только сам для себя; тебе хочется что-то для них для всех сделать — и они стараются сделать для тебя что-нибудь. Так наполняется событиями жизнь, в которой тебе ничего не страшно, а только интересно: что будет дальше?!

НА ВТОРОЙ ПЕРЕМЕНКЕ

Учитель: Крот съедает за день столько пищи, сколько весит сам.

Ученик: А откуда крот знает, сколько он весит?

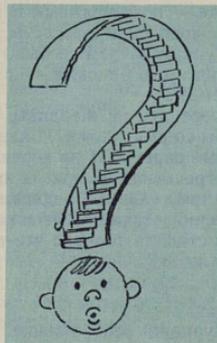

Учитель: Ну, что сказал тебе отец, когда увидел твою тройку по поведению?

Ученик: Сказал: эх, если бы у тебя и по остальным предметам были такие отметки!

Учитель: В доме пять этажей. На каждый этаж ведет двадцать ступенек. Сколько ступенек нужно пройти, чтобы дойти до пятого этажа?

Ученик (после долгого обдумывания): Все.

Оформление
 А. Курушина

ОПЕРАЦИЯ «НАВИГАЦИОННЫЙ ОГОНЬ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«Мы взяли шефство над бакенами. Помогаем ставить их, а теперь наблюдаем за ними. Кроме того, наблюдаем за обрывистым берегом, который летом иногда обваливается и образует мели».

Отряд «Коралл-2», Симонова Ира, г. Тобольск

РЕШЕНИЕ ШТАБА ЭКСПЕДИЦИИ

За лучшее оформление отчетных документов первых шести заданий наградить Грамотами Главного управления навигации и океанографии: отряд «Отчаянный» (6 «а» класс) г. Томск, командир Лена Кулешова; отряд «Рыцари моря» (КЮМ), г. Свердловск, командир Борис Тупиков; отряд «АМ-267» (г. Норильск), командир Андрей Андреюк; отряд «Европа» (Ленинград), командир Миша Шилин.

ПРИКАЗ № 7

1. Выслать в штаб экспедиции географические планы исследованных за лето участков водоемов.
2. Написать о названии своего отряда, почему именно это название вы выбрали.

Штаб экспедиции

Пятый месяц в океане вело работы исследовательское гидрографическое судно. Перед заходом солнца свободные от вахты собирались в кают-компанию побеседовать с ветераном морских походов боцманом Румелем. Он рассказал такую историю:

«Однажды высадился мы на необитаемый остров Туамоту, чтобы составить топографический план. Работали дня четыре. На себе несли эхолоты, батискафы, анеморумбографы и всякое другое снаряжение. Оставалось перевалить через хребет Ломоносова, чтобы выйти на берег Маклая и там сделать мензурную съемку каньона реки Лены, но тут испортилась погода. Из нависших темных перистых облаков полил ливень, от которого даже не спасал сель. Больше суток буживал шестнадцатидесятилетний шторм. Холодные потоки Гольфстрима несли с гор сотни вывернутых с корнем актиний. Мы спасались в небольшом коралловом ущелье. И только когда установилась ясная глубоко циклоническая погода, смогли закончить измерение кипрегелей, изобат и футштоков. На корабль возвратились усталые, но довольные...»

Мы знали, что многое нарочно перепутал старый боцман, прослышавший большим шутиком, и смеялись над его рассказом. А он сказал, что для тех, кто слушает эти «шуточки», установлен особый приз. Вы тоже можете его получить.

Отряд «Знаменосцы» (АВ-04),
 командир
 Кирилл Ребров

СООБЩЕНИЕ

ПРЕССЦЕНТРА

Ленинградские юные гидрографы побывали в гостях у моряков гидрографического судна «Дмитрий Лаптев». Вахтенный офицер провел ребят по всем судовым помещениям и рассказал о находящихся в них приборах и устройствах. Особенно долго пионеры осматривали гидрографическую рубку. Здесь уточняются морские карты. Приборы позволяют судну определять свое место в море, делать точные промеры глубин, с помощью углового эхолота «прощупывать» подводные препятствия впереди судна...

После экскурсии ребята сфотографировались на память вместе с начальником экспедиции «Гидрограф» контр-адмиралом Скосыревым. Юнкор отряда «Амазонка» (МК-335) Саша Павлючук

ный цвет (и красный огонь — ночью)...
 Командир отряда «Надежда»
 С. Галь (УССР, село Перегоновка)

был приезжий и не знал этого. На следующий день он сам стал помогать нам.

Отряд «Товарищ-5»
 (г. Новомосковск Тульской обл.)

«Ближайшая от нас река — Днепр. Средствами ограждения Днепр оснащен по латеральной системе. Это значит, ограждается правая и левая сторона (кромка) фарватера. Правой присвоен черный цвет знака (белый огонь горит ночью), а левой — крас-

«Мы шествуем над рекой Любовкой. Течение у одного из ее берегов очень сильное, и там запрещено купаться. Мы дежурием каждый день. Когда дежурили Сережа Уваров и Саша Рязанов, они увидели плывущего мальчика. Они помогли ему выбраться и объяснили, что здесь плавать нельзя — тонешь. Он

Виктор Юзефович Драгунский прожил не столько уж долгую, но необыкновенно большую и полную жизнь. Он был заводским рабочим, подочником, клоуном в рыжем парике, театральным актером, снимался в кино, руководил замечательным эстрадным коллективом под милым и смешным названием «Синяя птичка», и наконец стал писателем, которого быстро узнали и полюбили и дети, и взрослые. Чем бы ни занимался в жизни Виктор Драгунский, он делал все мастерски — с душой, увлечением, талантом и огромной светлой улыбкой. Особенно любил Виктор Юзефович детей. Он написал для них очаровательные «Денискины рассказы» числом более шестидесяти. Но Драгунский любил и взрослых людей и написал для них две прекрасные повести: «Он упал на траву», «Сегодня и ежедневно». Если детей Драгунский любил всех без разбора, даже тех, кто не очень хорошо ведет себя на уроках, то взрослых он любил

Виктор Драгунский

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Утро

Когда наступило Первое сентября, я встал еще ночью. Потому что я боюсь пропустить. Все еще спали. Я долго лежал с открытыми глазами. Лежал, лежал и чуть снова не

заснул. Но тут проснулась мама. Она стала гладить мою чистую рубашку. Я поскорее вскочил и стал одеваться. Когда папа увидел меня в новой фуражке, он сказал:

— Прямо настоящий генерал.

У школы

Возле школы стояла толпа ребят. Тысяч сто. У всех в руках были цветы. Мама, папы и бабушки стояли в сторонке. Дети галдели каждый свое. Я стал в пару с одним мальчишкой. Он был очень красивый. Весь в веснушках. Рот до ушей.

Везу

Мне для школы купили много новых вещей. Рюкзак, тетрадки, карандаши, ручку, перьевую коробочку. Еще пенал и ластик. Пенал очень красивый, весь блестящий. Я его понохал, пахнет леденцами. Лизнул, оказывается, кисло. Невозможно есть.

Школьные слова

Я, когда не учился, совсем глупый был. Я знал очень мало слов. Например, я знал слова: мама, папа, чур не я, в лесу родился елочка. И еще знал слов девять или десять. А в школе все новые слова: доска, мел, учитель, класс, парта, звонок, перемена, горячий завтрак! Это очень интересно!

только хороших, а плохих выискивал в остроумных расказах-фельетонах, тоже собранных в книжки.

Мы, друзья Виктора Драгунского, ждали, что после «Денискиных рассказов» он напишет «Ксюшины рассказы». Дениска, старший сын писателя, давно вырос, стал большим и ученым Денисом Викторовичем, а младшая дочь Ксюша, рыжая, глазастая и улыбающаяся, еще только пойдет в первый класс. И, конечно, о ней есть что рассказать. Но писатель покинул нас раньше, чем создал такую книгу.

Виктор Юзефович Драгунский был добрым, веселым и потому счастливым человеком. Свою любовь к жизни, веру в жизнь и в людей он передает читателям, которых у него великое множество не только в нашей стране, но и во всем мире.

В этом номере мы печатаем не опубликованные ранее рассказы писателя...

Юрий Назубин

Семья

У меня слишком маленькая семья. Папа, мама и я. Это потому, что я сам еще маленький. А стану большой, и семья у меня станет большая: папа, мама, бабушка, бабушка, сестра, брат, сынок, дочка и четверо внуков.

Учительница

Учительница пришла в класс. Она сказала: — Здравствуйте, дети! Будем друзьями. Давайте знакомиться. Меня зовут Ксения Алексеевна.

Я сказал: — А меня зовут Денисом. Учительница сказала: — Очень приятно.

А другие ребята закричали:

- А меня зовут Маша!
- А я Миша!
- А я Толя!
- Петя!
- Вася!

Учительница сказала:

— Вот и хорошо! Я вас всех буду называть по именам. А вы как меня будете называть?

Толя встал и сказал:

— Мы вас будем называть Се-Севна.

А учительница засмеялась. — Вот и неправильно! Надо говорить четко и ясно: Ксения Алексеевна. Поняли?

Писатель

На второй урок к нам пришел писатель. Он был веселый и читал веселые рассказы. Он сочиняет их сам. Дети. Чтобы они смеялись. Потому что смеяться полезно для здоровья. Мы все хлопали после каждого рассказа. И кричали:

- Еще!
- Еще!
- Еще!

Потому что нам очень понравился его рассказ. Он все может написать. И пока он читал, я сочинил стихи.

Я встал и сказал: — Я сочинил для вас стихи! Он сказал: — Прочитай, пожалуйста! И я громко прочитал:

— Стихи.

Напишите нам рассказ,

Про Чапаева рассказ!

Конец.

Он сказал:

— Хорошие какие стихи!

Улетает шарик

Потом уроки кончились, и я пошел домой. У школы меня встретила мама. Она подарила мне красный шарик на ниточке. На улице было очень красиво. На деревьях висели желтые листья. Люди были все веселые. Милиционер показывал машинам, куда ехать. Он был в белых перчатках. Мой шарик все тянулся кверху, дергал ниточку, как живой. Я его выпустил. Он полетел. Я задрал голову и глядел, как в синее-синее небо улетает красный шарик.

Уроки

Ксения Алексеевна задала нам на дом уроки. Написать четыре палочки. Я дома взял тетрадку и написал. Сначала у меня получилось, что палочки ползут косо вниз. Тогда я решил переписать. По-

лучилось еще хуже. Теперь палочки полезли косо вверх. Мама посмотрела и сказала:

— У тебя плохой почерк. Ничего не поймаешь. Просто каля-маля. Ты пиши как следуют. Ты совсем не стараешься. Постарайся.

Я снова сел писать. Мама сказала: — А зачем же ты язык высунул на полметра?

Я сказал:

— Это я стараюсь!

Завтра в школу

А потом я играл во дворе. Я долго играл. Наконец мама выглянула в окошко и позвала:

— Денис! Иди ужинать.

Я пошел домой. На ужин я поел хлеба с маслом и чаю с молоком. Потом я стал раздеваться. Папа спросил:

— Ты что, спать захотел? Почему ложишься?

Я сказал:

— Завтра в школу! Пора!

Он улыбнулся:

— Еще рано, семь часов. Не бойся, успеешь выспаться.

Я ему сказал:

— Я так рано ложусь спать, потому что хочу, чтобы поскорее наступило завтра. Я буду быстро спать!

Он засмеялся и сказал:

— Ну, тогда спокойной ночи!

ПЕРЕД СНОМ

Я лежал в постели и все старался уснуть. Но сон ко мне не шел. Я все думал, что вот я учусь и скоро буду совсем грамотный. Сначала я выучу весь букварь. Буквы от А до Я. А потом выучу все слоги. Ма-а. Ма. Ме-у. Му. Ме-я. И этак через полгодика мы пойдем с папой гулять. Я сначала буду молчать, а потом погляжу на вывеску и скажу ни с того ни с сего:

— Яйца, масло, молоко.

Папа скажет:

— Что, проголодался? Есть захотел?

А я скажу:

+ Да нет, просто я прочитал. Вон, на вывеске написано!

Тут папа скажет:

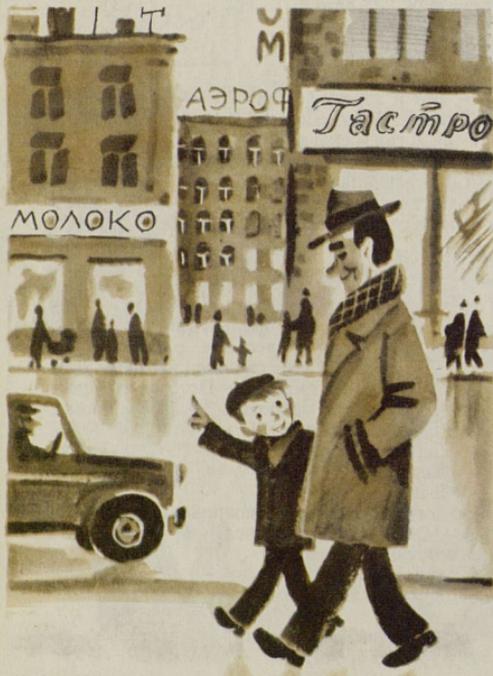
— Ого! Сам прочитал?

Я скажу:

— Угу. А всего шесть лет.

Тогда папа скажет:

— Как приятно идти по улице с образованным человеком!

Рисунки М. Юлина

ЗАКОН И ТЫ

Комиссар милиции III ранга Николай Владимирович Смирнов — очень занятый человек. И его коллега полковник милиции Михаил Иванович Михайлов — тоже не меньше. Но все-таки они выбрали время и рассказали нашему корреспонденту о том, что их больше всего волнует.

Начал беседу Н. В. Смирнов:

Женя В. и Саша Л. — обычные ребята, не очень, правда, послушные, иногда упрямые, — какие есть в каждом классе. И вот, скажем, подходит к ним некто и предлагает: «Вон в переулке женщина идет, поди

ударь ее!..» Что бы они ответили? Как вы думаете, товарищ корреспондент?

Корреспондент. «Дурак, — сказали бы, — проваливай!»

Н. В. Смирнов. Вот именно. Но слушайте дальше. Как-то летом под вечер Женя В. и Саша Л. бродили вдоль железнодорожной насыпи и развлекались: бросали камни во что попало. Остановились у переезда — пропустить электричку. Женя В. поднял камень, запустил в красное на закате

стекло вагона. Промахнулся. Саша Л. сказал: «Смотри, мазила!» — и попал точно в окно.

Электричка шла переполненная. Кончался выходной день — люди возвращались в город. Кто дремал, кто читал вечернюю газету. И вдруг — бах! — будто взрыв. Закричала женщина — ей засыпало осколками глаза, изрезало лоб. Кровь хлынула на платье.

Уже темнело, но кто-то все же успел заметить убежавших кустами подростков и дернул стоп-кран. Бригада железнодоро-

рожной милиции, ехавшая в этом поезде, кинулась в лес и поймала хулиганов. Через некоторое время их судили. Инакказали весьма строго, как догадываешься.

В беседу вступил Михаил Иванович Михайлов:

— Действия Жени и Саши — Евгения и Александра, называем их теперь так, они не маленькие, — привели к тяжелым последствиям, и мы, милицмейские работники, должны были все их учесть. И учли:

— Ранен человек.

— Сотни людей опоздали на работу в вечернюю смену, в театр, на деловое свидание, в гости.

— Многим после отдыха испорчено настроение.

— Стекло и ремонт вагонного окна стоят денег. А ведь это деньги народные.

— Отвлекались от более важных дел следователи, тратили время судьи.

— А горе и позор родителей?

Так, казалось бы, заурядное хулиганство обернулось преступлением против многих людей, против государства.

И тогда на защиту своих граждан, своего государства встал ЗАКОН.

Корреспондент. А что такое закон? Расскажите об этом, пожалуйста, нашим читателям!

Н. В. Смирнов. Чаще всего ребята, с которыми нам приходится разговаривать, думают, что закон — это запрет, это всяческие «нельзя» и «строго запрещается».

Те, кто поначитнее, еще прибавляют: «Закон — с шестнадцати лет, а пока нет паспорта, нет и спросу».

Ошибаются и те, и другие. Во-первых, закон — не пугало, а прежде всего, защитник. Наши законы охраняют человека буквально с пеленок.

Родился человек на свет — за ним сразу же наблюдают врачи и лечат бесплатно — по закону об охране младенчест-

ва. Исполнилось человеку семь лет — он идет в школу. Там его ждут учителя, спортзалы, предметные кабинеты, библиотеки — все для него готово, потому что человек по закону имеет право на образование. А право на труд, на отдых? А другие права? Полистайте Конституцию!

Советский закон щедр. Но и требователен. Он строго требует, чтобы человек выполнял правила, по которым живет наше общество.

Теперь о том, что «паспорта нету — спросу нету».

Действительно, сегодня перед законом отвечают те уголовные преступления те подростки, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет.

Но есть преступления особо тяжкие: убийство, злостное хулиганство, умышленное повреждение, уничтожение или порча государственного или личного имущества, умышленные действия, которые могут вызвать крушение поезда, и другие — опасность этих преступлений можно осознать и в более раннем возрасте. За них человек отвечает сам, с четырнадцати лет.

М. И. Михайлов. Недавно четверо подростков разбили витрину охотничьего магазина и украли ружье с патронами. Хорошо, что работники милиции успели схватить подростков раньше, чем ружье в их руках принесло несчастье! Разве ребята не знали, что воровать нельзя и что шутки с оружием плохи?! Не могли не знать!

Н. В. Смирнов. Если человеку нет еще и четырнадцати лет, то за него перед законом отвечает отец с матерью. Но это совсем не значит, что такой «пока безответственный» человек может позволять себе все, что угодно!

Корреспондент. Разумеется, каждый советский человек, большой или маленький, дол-

жен быть сознательным гражданином!

М. И. Михайлов. К сожалению, не у всех ребят есть чувство ответственности за свои поступки, чувство благодарности родине за все, что она им дала. Такие ребята плохо учатся, хулиганят, совершают мелкие кражи.

Корреспондент. И неужели для таких ребят, пока им не исполнится шестнадцать лет, нет никакого наказания?!

Н. В. Смирнов: Для них существуют не меры наказания, а меры принудительного воспитания. С одиннадцати лет таких ребят отправляют в закрытые специальные школы-интернаты. Там юных нарушителей закона принуждают (заставляют) вести себя достойным человека образом.

М. И. Михайлов. Пятиклассник Гена С. плохо учился, не раз убежал из дома, воровал у своих товарищей значки, книги, перочинные ножички, шапки, у соседей по квартире — деньги...

С Геней беседовали учителя, директор школы, работники детской комнаты милиции. Советовали, предупреждали. Одноклассники требовали: переименй, Гена, мы тебе поможем!

Ничто на Гену не действовало. Тогда комиссия по делам несовершеннолетних (а такие комиссии есть в каждом городе) отправила Гену С. в специальную школу-интернат.

Конечно, спецшкола — это не тюрьма, а воспитательное учреждение. Но свобода действий там ограничена. Куда захочешь, не пойдешь. Приятелей не пригласишь, если они за стенами интерната. Жизнь в спецшколе-интернате по строжайшим правилам, нарушить которые просто невозможно.

Н. В. Смирнов. Я хотел бы назвать несколько цифр, а вы, товарищ корреспондент, обязательно их напечатайте в журнале, чтобы наши друзья-пионеры над ними задумались.

Исследования ученых-социологов показали: из всех несовершеннолетних преступников только 15—20 процентов пришли к преступлению, так сказать, «неожиданно». А остальные — восемьдесят процентов! — имели и раньше множество дурных привычек, не делали для себя разницы между дозволенным и недозволенным, любимыми путями старались добиться своего — угрозой, вымогательством, попрошайничеством, ложью, наглостью, грубостью. Но ведь все это не сразу, не вдруг в человеке рождается! Это значит, что класс, товарищи могли и должны были в свое время встревожиться и принять меры.

М. И. Михайлов. В седьмом

классе Сева Б. познакомился с ребятами, которые нигде не работали и не учились. По вечерам он сидел с ними во дворе, курил и слушал песенки под гитару.

В восьмом стал таскать для них деньги из карманов одноклассников.

В девятом Сева не приходил в школу пять дней подряд. Это никого не удивило: он и раньше прогуливал. На шестой день стало известно: со своими друзьями Сева обокрал склад магазина культтоваров.

На суде Сева Б. сказал: «Один бы этого никогда не сделал, а вместе с товарищами...»

Н. В. Смирнов. Липовых товарищей нашел себе Сева! И у

него самого чувство товарищества фальшивое.

Теперь он за него расплачивается в воспитательно-трудовой колонии.

М. И. Михайлов. Конечно, мы не можем сказать про человека, который, к примеру, ехал в электричке без билета: вон он, будущий вор, будущий взломщик, будущий грабитель.

Но мы можем сказать: этот человек стоит в начале спуска. Дойдя до его конца, человек становится опасным для общества.

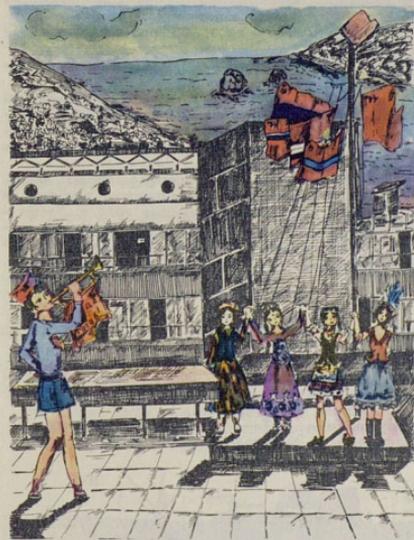
Спускаться или пойти другой дорогой — решать прежде всего тому, кто идет. Но и те, кто рядом, не могут быть к его решению равнодушны!

Фото Ю. Колтуна

СТИХИ ИЗ АРТЕКА

Живем мы всех в Артеке выше,
Мы — горный лагерь, не пустяк.
Нам солнце первым красит крыши,
И звезды ближе, как-никак!

Ира Дегавцова, 15 лет, г. Уфа

ШТОРМ

Ливень за окошком хлещет, хлещет,
Небо в тучах, серых и немых.
Яростный прибой на берег плещет
Тучей брызг, соленых, ледяных.

Волны друг за другом набегают,
Бьют о берег, пеняся и ворча.
То назад проворно отступают,
То о камни бьются сгоряча.

Волны, волны в пене, белой пене,
Вал за валом, за стеной стена.
Волны, как огромные ступени,
Вот одна, а вот еще одна.

Хорошо! Пускай ярится море,
Волны пусть вздымаются, шумят,
Пусть гуляет ветер на просторе.
Я люблю и шторм, и дождь, и град!

НОЧЬ В АРТЕКЕ

Вечер землю окутал,
Потемнел небосвод,
Звездный, красочный
купол
Ночь на землю зовет.

Вот спустилась
на лагерь,
Моря шум все сильней.
Не полощутся флаги,
И не видно огней.

Ветер дует соленый,
Залетает в окно.
Я, в свой лагерь
влюбленный,
Твердо знаю одно:
Темноту переспора,
Снова встанет
рассвет, —
Здравствуй, небо и
море!
Здравствуй,
солнечный свет!

Миша Мурзаков 8 кл. г. Белгород

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Специальный корреспондент «Морской газеты» побывал в городе Мурманске. Этожу портовому городу и посвящаем наш выпуск. Фотографии сделаны В. Зайцевым, оформление Р. Попова.

Два города

Можно к Мурманску подъехать поездом, а можно подойти с моря. Тогда вид Мурманска совсем другой. Судно пройдет Кольскую губу, и во тьме полярной ночи вы увидите огни, огни, огни...

Море огней приблизится, и вы заметите, что город — два. Один, неподвижный — на берегу. Другой — огни великого множества судов — чуть покачивается — это Мурманск на воде.

В МУРМАНСКОМ ПОРТУ

Радио Мурманска

Каждый день рано утром по мурманскому радио диктор сообщает: «Рыболовный траулер «Североморское» придет в порт в 8.00, траулер «Нелтуш» — в 13.00, промысловая база «Тевченге» ожидается в 21 часу... Это чтобы Мурманск встречал свои...»

...А бывает, что вечером диктор говорит: «Внимание! К ночи ожидается усиление ветра до штормового. Капитанов просит срочно прибыть на свои суда...»

Там и сям в городе хлопот двери, поспешают капитанские трубочки и слышны тревожные голоса. Застегивая на ходу теплые пальто и придерживая от ветра фуражки с «крабьями», спускаются в порт капитаны. Скорее, скорее! Судно в опасности! Капитан должен быть на борту.

«Рефрижераторный». СРТ рыбу ловит и может долго хранить ее в трюмах. В трюмах-то мороз до двадцати градусов.

РТ — рыболовные траулеры. Может только ловить рыбу.

Какие суда у рыбаков

Если вы думаете, что у нынешних рыбаков только траулеры и сейнеры, то ошибаетесь. У рыбаков теперь:

РТ, СРТ, ПРТ, БМРТ, СРТ-м, СРТ-р, П/Б.

Ничего не поняли? Сейчас расшифруем СРТ, СРТ-м и СРТ-р — средние рыболовные траулеры. Буквы «м» и «р» означают: «морозильный» и «

ПО ПРИКАЗУ ЛЕНИНА

(история первой арктической экспедиции)

В мае 1921 года Совет Труда и Обороны под предводительством Ленина решил организовать морскую экспедицию в Сибирь через Карское море. Время было голодное. Экспедиция должна была из-за границы доставить в Сибирь сельскохозяйственные машины, а из Сибири привезти 800 000 пудов хлеба в голодающие районы России.

Большой караван судов принял товары в портах Англии, Германии и Швеции и направился к Мурманску. Первая Карская экспедиция началась. Ленин лично проверял, как проходит загрузка товаров за границей и подготавливал ли к перевозке сибирский хлеб...

Ледовая обстановка в тот год на Севере была тяжелой. Но суда благополучно добрались до устья Оби и разгрузились. Предстояло обратное плавание. Теперь суда везли драгоценный хлеб.

Первая катастрофа произошла у острова Белый: пароход «Бисней» столкнулся с льдиной и затонул. Команда спаслась. На другой день пароход «Обя» поднял сигнал: «Терпим бедствие. Нужна немедленная помощь!» Вот с какой самоотверженностью и трудностями везли моряки сибирскую пшеницу... Потом разразился шторм. Морские героически сражались с ветром и льдами.

И все-таки 29 сентября первые суда каравана с грузом пшеницы добрались до Архангельска. Остальные пароходы благополучно ошвартовались в Мурманске.

До сих пор старые моряки Мурманска помнят этот беспримерный ледовый поход, задуманный еще Владимиром Ильичом Лениным.

«Маяк в Кольском заливе» нарисовала Лена Зуева, ученица седьмого класса восьмой школы Мурманска

СООБЩЕНИЕ

Вернулся из Атлантики транспортный рефрижератор «Пионер Мурманца». Это особенное судно. Три года соборили старый металл пионеры всех городов и поселков Кольского полуострова. На полученные за металлолом деньги построили на верфях Николаева судно и назвали его «Пионер Мурманца». Рефрижератор прошел более 280 000 миль. Он принимал рыбу с промысловых судов в Ледовитом океане, в Индийском, в Атлантическом. Когда судно возвращается в порт, его всегда встречают мурманские пионеры.

В гости к экипажу ТР «Пионер Мурманца» пришли юные моряки Мурманского Дворца пионеров имени Анатолия Бредова

ЕДИНСТВЕННОЕ В МИРЕ

Видел я на острове Кильдин близ берегов Кольского полуострова озеро, которое называют «Могильным». Это не значит, что в озере нет жизни. Напротив, оно кишит рыбой. Но рыбы в нем живут как бы в двух этажах. В первом, пресноводном — речные рыбы, в глубине, в соленой воде — морские. И с этажа на этаж рыбы уже не переходят, иначе — гибель для них. Таких удивительных озер больше на земле нет. Могильное — единственное.

О. Орлов

БМРТ — то же, что и СРТ-м, только побольше. ПРТ — производственный траулер. Сам рыбу не ловит, только обрабатывает — солил, консервует.

ПР. Это уже жалкий рыболовного флота — производственный рефрижератор. Сам рыбу не ловит, только обрабатывает. И наконец, сверх-гигант — П/Б — плавбаза. На ПР. Это уже жалкий рыболовного

флота — производственный рефрижератор. Сам рыбу не ловит, только обрабатывает. И наконец, сверх-гигант — П/Б — плавбаза. На ПР. Это уже жалкий рыболовного

плавбазу перегружают в море гото-

вую продукцию, на плавбазе — и ремонтные мастерские, и запасы горючего, и склады, и библиотечка, и лаборатория... Это шельф плавающий город.

Но какие есть суда у рыбаков.

Раздел ведет писатель Н. Сладков

Начинается сбор семян и ягод для зимней подкормки птиц.
Продолжается сбор лекарственных трав.
Заканчивается составление летних гербариев для школы.

БУДЬТЕ ЗНАКОМЫ

Прежде всего, конечно, он летает — на то он и птица. Затем он — мастер повар рыбы, значит, дружит с водой. А птенцов своих держит в глубокой норе, под землей. Бойкая птичка: и землянок, и водонад, и летучей! И еще предсказатель погоды. Во многих местах на осеннем пролете он появляется перед самой зимой, маму родит. Отсюда и его имя: зимородок.

А. Лухтанов

Так эмальзлит зуб ядовитой змеи. Очень ядовитой. Эфи. Видите, — он как трюбочка. Яв открывается в зуб из жемчужины и по сколоному каналу протекает в ранку. Змея как бы делает укол шприцем. Держите подальше от такой «медсестры»!

Н. Муханов

ИЗ «КРАСНОЙ КНИГИ» ПОЛОСАТАЯ ГИЕНА

За гиенами укрепилась репутация трусливых и коварных обжор, мрачных убийц, совершающих набеги и грабежи под покровом ночи.

Что ж, хищника не пручишь питаться травой: гиены, действительно,

нападают на живность, с которой могут справиться. Но в основном они едят падаль. Они — звери-санитары и этим очень полезны.
Три вида гиен (полосатые, бурые, пятнистые) да еще так называемый земляной волк составляют целое семейство отряда хищных.

Полосатая гиена, единственная из гиен, обитающая в нашей стране, встречается в Восточной Грузии и Азербайджане, в пустынях Туркмени, Узбекистана и Таджикистана. Как редкое животное, подлежащее охране, она записана в «Красную книгу».

В наши зоопарки щенки полосатых гиен были привезены в корзинке, укутанной одеялом. Два крошечных, болтушечных созданий требовали внимания и заботы.

Прошло время, появились подростки, привыкли к людям, охотно шли на руки, гуляли на поводке. Когда у клеток появлялся знакомый, молодые гиены радостно подбегали к решетке, отталкивали друг друга, спеша приласкаться.

Сейчас это взрослые красивые звери, мимо которых нельзя пройти равнодушно. Разве похожи веселые доверчивые Бруки и Мири на жутких разбойничков, какими их себе иногда представляют?

Е. Лысов, В. Левин, сотрудники Ленинградского зоопарка

Мы шествуем над телатами колхоза «Заря». Вот и у меня есть подшифрованный тележон, по кличке «Шустерный». Это я ему придумала такую кличку, потому что уж очень он бойкий. Наверное, он мне этак и повывисался.

Телятница Татьяна Иванова Бабин кормит телят три раза в день, а в помощь ей только вечером. Прихожу на ферму и сразу, конечно, к своему подшифонку. И, знаете, он меня начал узнавать. Всегда первым, расклевывая весь, проглатывает морковку и лижет пухи. Вначале он хлеба не брал, ждал сахара. А теперь с удовольствием принимает и хлеб. Ему всего один месяц, он маленький, но бойкий.

Ворошиловградская область, с. Стрельцовка

РАСКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

ПЕРЕАТЕНЬЕ МЫШИ

Средя бескрайних степей Казахстана протекала известная река. На ее берегах колхозники накосили сена и сложили его в стога. Стога оставили в степи до зимы.

Осенью в бродяг там с ружьем, устал, и мне захотелось отдохнуть. Сел, удобно привалился к стogu спиной. Но вдруг замурлыкало что-то, пошмыгалось писк, и множество летучих мышей так и брызнуло из стога во все стороны!

Сено было прямо-таки набито мышами. А летом я тут ни разу не встретил ни одной. Это, конечно же, были перелетные мыши. В стogu они собрались только на дневной отдых, а после заката полетят дальше на юг. И автаря их здесь снова ни одной не останется.

М. Зверев

В МИРЕ ШЕСТИНОГ

НОЧНЫЕ СТОРОЖА

Ночью по муравейнику всегда бродит несомненно муравья. Это сторожа. Их дело охранять муравейник от непрошенных гостей, вовремя поднять

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

В клубе юннатов Фрунзенского района Ленинграда так заболительно и умело содержат животных, что многие из них обзавелись подомством: погану, морские свинки, спитские гориллы, пеструшки, белки, курочки-бенгальки, зеленушки и даже воробьи и сны. Но самое интересное событие произошло недавно — появился на свет Тотоша. Черная маляка Рита с прилежанием и любовью растит своего малыша.

Пока Тотоша маленький, о нем нечего особенно рассказывать: ест и спит, только и всего. А вот когда подрастет и начнет проказничать, мы пригласим его на «Зеленые страницы» снова.

А. Батюев

тревогу в случае бедствия или опасности. Бдительные часовые, да только ставить на пост их приходится сней!

Вечером, когда муравейник начинает погружаться в сон, купол его постепенно опустевает. Вот уже и никого не осталось. И тут вдруг на выходы появляются муравьи, которые несут в целостности... своих же товарищей!

Они остаются сторожа ношу на крыше, а сами уходят спать.

Оставленные наверху муравьи каково-то время лежат неподвижно, скрочив ноги, как мертвые. Потом нехотя поднимаются, долго чистят я и, наконец, отправляются бродить по куполу. Они стали на пост. Теперь они уже не спрутятся внутри жилища, а останутся сторожить его.

Так старые опытные муравьи организуют охрану своего дома, выставляют ночной раж.

П. Мариковский

ДВА ДВОРА РЯДОМ

Это случилось поздно вечером. Стояли во дворе трое ребят, трое друзей. Обсуждали только что закончившийся хоккейный поединок.

— Хоккей — это коллективная игра. А Толька все сам да сам. Индивидуалист! — в сердцах бросил Саша Преображенский.

— Из-за этого и проиграли, — добавил партнер по тройке нападения Коля Канунников.

Пора было уже расходиться. Первым увидел здорового детину у хоккейной площадки Толя Ключников.

— Ребята, смотрите, у него топор! Он же наши борта разнесет в щепки. Ты, Семка, беги в клуб, пока Юрий Августович не ушел. А мы с Колькой на площадку...

С последним Толным словом раздался глухой удар, и доска полетела на лед. Еще взмах топора...

— Что, дядя, дровишки заготавливаете? Мы здесь столько трудились, а вы...

— Пошли прочь, пацаны! — огрызнулся мужчина, и вторая доска легла рядом с первой.

Зря сунулся нечестный на руку охотник за «пилотами» во двор 15-й жилищной конторы Московского района Ленинграда. Здесь заботливо берегут спортивные сооружения: две современные хоккейные «ко-

робки», футбольное поле, баскетбольную и волейбольную площадки. Отлично оборудованные залы для любителей самбо и настольного тенниса. А помогали взрослым строить спортивный комплекс сами ребята. Поэтому-то так и дорожат они своим спортивным хозяйством. И когда все спортсмены клуба собрались на тревожный зов, детина обратилась в бегство.

Всего три года работает спортивный клуб «Штурвал». А за эти три года... Хоккеисты и футболисты стали финалистами кубка района. Все игроки получили право на присвоение первого юношеского разряда. Лыжники, соревнуясь на первой в городе освещенной трассе, стали чемпионами района. Самбисты, правда, решающую встречу проиграли. Но и второе место для них тоже успех: ребята выступали без трех лучших своих товарищей (они заболели).

А начиналось в этом дворе все буднично и просто. Мальчишки слонялись по двору без дела. Те, что постарше, играли в парадных в карты. Некоторые курили. Затягивали в свою компанию малышей. Часто возникали стычки. Драки затихали с появлением дворника или милиционера.

Однажды к группе разбушевавшихся ребят подошел

крепкого телосложения парень и сказал:

— Ну, вот, размахались руками. Хотите делом заняться?

— Что, помочь погрузить? — ехидно заметил Миша Бибилов, потирая ушибленный в драке лоб.

— Без этого тоже не обойтись. А вы о самбо когда-нибудь слышали?..

Парень оказался не больше ни меньше как серебряным призером V-й Спартакиады народов СССР, чемпионом Ленинграда Владимиром Андрейчуком. Не раз он наблюдал дворовые «поединки». Наблюдал, наблюдал, и в один прекрасный день решил: надо увлечь ребят спортом. Но где найти комнату для занятий? В жилконторе, куда пришел спортсмен, посоветовали посмотреть помещение кладовой.

Спустя несколько дней под аркой своего дома ребята увидели объявление. Оно приглашало записаться в секцию самбо. К месту сбора пришло двадцать мальчишек. Владимир Иванович — новый тренер ребят — позвал всех в спортивный зал.

Когда вошли в комнату, у ребят от удивления раскрылись рты. Бочки из-под краски, ржавое железо, доска, рваная одежда — все это валялось в беспорядке. Тянуло холодом и сыростью.

Обформление А. Януса

Пыль застилала глаза. Кто-то из мальчишек чихнул. Владимир Иванович посмотрел на озадаченные лица и сказал:

— Что приуныли? Берем-ся за дело! Сегодня комнату нужно освободить от хлама. Завтра придут рабочие. Им тоже нужна будет ваша помощь.

— А как же самбо? — спросил тринадцатилетний Саша Костяхин.

— Будет и самбо. Но при одном условии: все вы будете помогать оборудовать зал.

Скажем правду. Не все выдержали проверку. Из двадцати записавшихся вначале осталось двенадцать ребят. Но это были самые преданные. Они убрали мусор и мыли полы, таскали кули с цементом и плитку для пола. А зато в новом зале они первыми «опробовали» ковер.

Сейчас в секции занимается пятьдесят самбистов. Шестиклассники Миша Бочков и Сережа Кузьмин за два года завоевали право носить значок спортсмена второго разряда. Многие ребята успешно выступают на городских состязаниях.

А вначале бывало разное. Приходят как-то двое жильцов и говорят: «Товарищ тренер, кого же вы обучаете приемам? Сорванцов! Раньше они просто дрались; а теперь так будут ноги друг другу за уши закладывать, что в «Скорой помощи» не примут.» А Владимир Иванович отвечает: «Вы не правы. Чтобы научиться приемам, надо год-полтора поработать. Да и потом смешно.

В Японии, если так рассуждать, простому смертному в броневику ездить надо: там ведь 5 миллионов дзюдоистов и 800 тысяч владеют приемами карате. К тому же, самбо — борьба обороны — не нападения».

Ну, а как быть тем, кто грезит хоккеем или футболом? Ватаги мальчишек целыми днями гоняли мяч или шайбу во дворе. Как же настоящему научиться играть? В один из дней на пустырь рядом с домами приехал грузовик, и рабочие начали сваливать доски. «Ну, наверное, гараж будут строить. Теперь и не поиграешь», — сказал кто-то из ребят.

— Нет, ребята, — возразил подошедший мужчина, — доски — это подарок ваших шефов. Они — для ледяных площадок. А помогать строить их придется вам. Давайте знакомиться: Юрий Августович Эйбом. Когда наведем порядок, я буду по-настоящему учить вас играть в хоккей. Кто из вас любит эту мужественную игру? — Поднялся лес ребячьих рук. — А теперь: у кого есть дома топоры и пилы, принести их завтра в 16 часов.

Когда все разошлись, к Юрию Августовичу подошли трое ребят.

— А как нам быть? — спросил Саша Преображенский. — Ведь мы уже играем в одной тройке за Мясокомбинат?

— И вашему звену найдется место в команде. Но оборудовать площадку будете вместе со всеми, — был ответ.

На следующий день произошло много ребят. Закипела работа. Завизжали пилы. Застучали топоры. Но из троих, которые беседовали с тренером накануне, пришли двое: Саша и Коля Канунников.

— А где же ваш друг? — спросил тренер.

— Только Ключников сказал, что разрядникам не обязательно пилить доски, — произнес Коля.

Отличными получились у ребят ледяные «коробки». Они сверкали серебристым льдом и свежеекрашенными бортами. Строители вместе с ребятами предусмотрели даже места для оштрафованных игроков.

— И все-таки чего-то не хватает, — произнес Саша Преображенский.

— Надписи на бортах — как в Лужниках, — сказал Коля Канунников. — Предлагаю: «Курс на Олимпиаду-80!»

В один из вечеров, когда на хоккейной площадке шла азартная тренировка, с «канадами» через плечо и с клюшкой явился Толя Ключников.

— Да разве так бьют! — крикнул он защитнику Севке. — Ведь у тебя же клюшка в руках, а не палица.

— Толя, у нас идет тренировка, ты нам мешаешь, — сказал ему тренер. — Если хочешь быть в команде, после занятий начнешь с ребятами заливать лед и размечать площадку. Завтра у нас игра.

— Договорились, — произнес Толя.

Чем бы ни занимались ре-

бята в спортивных секциях «Штурвала», хоккеем или самбо, футболом или настольным теннисом, они свято чтут устав своего клуба. И особо один из его пунктов: «Быть активным, участвовать во всех мероприятиях».

Тут бы и поставить точку в нашем рассказе. Но... Рядом с двором пятнадцатой жилконторы — двор третьей. Здесь пустыри так и остались пустырями. На

площадке, которая почему-то называется «хоккейная», горы мусора. Недалеко валяется привезенный уже давно, да так и не установленный каркас для баскетбольного щита. Летом, как рассказывают сами ребята, на стадионе при школе

№ 524 играть в футбол опасно: можно получить травму. Нет здесь и помещения, где можно бы поиграть в шахматы или настольный теннис.

Спрашиваю мальчика со спортивным значком на лацкане куртки:

— Спортом занимаешься?

— Нет, только в школе, физкультурой, — потом переводит взгляд на свой значок: — А это мне старший брат подарл.

Виктор Кордовский

НА ТРЕТЬЕЙ ПЕРЕМЕНКЕ

Учитель: Лягте на спину. Двигайте ногами, как будто едете на велосипеде. Так. Быстрее, еще быстрее... А почему ты, Миша, перестал двигать ногами?

Миша: А я сейчас съезжаю с горки на тормозе.

Стась уже лежал в постели. И попросил отца:

— Папа, дай мне, пожалуйста, воды!

— Спи и не балуй, а то шлепну!

— Папа, когда пойдешь меня шлепать, принеси, пожалуйста, воды!

Учитель: Кислород необходим для дыхания. И вообще для жизни. Он был открыт в 1773 году...

Маринка: Ой, а как же люди дышали до этого?

— Мама, Эрик сказал, что я — самая милая девочка на свете. Можно его позвать к нам?

— Нет, зачем же. Пускай и дальше так думает.

Рисовал на переменке В. Гальба

В КУЗНИЦЕ

Дым над кузней.
Рассвело.
Бьет кузнец по наковальне.
Звон летит на все село.
Слышен в хате самой дальней.

На работу кузнеца
Посмотреть мальчишки лезут:
— Дядя, сделай нам скворца,
Если можно, из железа...

— Крепко молотом я быю —
Лемеха стальные гнутся...
А скворцов я не кую:
К вам весной они вернуться!

Василий Трубицкий
Рисунок К. Дмитрикова

ТЕЛЕСКОП

Валерий Левановский
Рисунок Г. Ясинского

Кажется нам
неприметным
и скромным
маленький месяц
на небе огромном.
Но глянь в телескоп,
в нем отлично видна
на маленьком небе
Большая Луна.
А в три телескопа,
наверно, видны
гигант-луноход
и невозможн. Луны.

ВОРОНА

Борис Сергузенков

Жила ворона. Прилетела она однажды на колхозный тон, поклевала зерен пшеницы, остальное людям оставила, похватила отрубей в хлев, остальное коровам оставила, полакомилась в огороде у бабки спелой клубничкой, остальное бабке оставила, стащила у мальчика кусок пирога, остальное мальчику оставила, отведала из собачьей миски овсяной каши, остальное собачке оставила, хлебнула из кошачьего блюдца глоток молока, остальное кошке оставила.

В хлопотах у вороны незаметно весь день прошел. Вечером взгромоздилась ворона на сук дерева, почистила клюв, зевнула сладко и говорит: „Вот какая я, ворона, великая кормилица. Сама наелась и мир напормила“.

КОЗА И ДЕВОЧКА

Жили коза и девочка. Повела однажды девочка козу пасти на речку. Общипала коза на речке два куста дикой смородины. Не наелась. „Хочу березовых листочков“, — говорит. Повела девочка козу в лес. Ободрала коза три березки. Не наелась. „Хочу свежей травы“. Накосила девочка козе четыре охапки свежей травы. Съела коза траву и опять орет: „Хочу еще чего-нибудь“. „Что же я тебе дам, — говорит девочка. — Больше у меня ничего нет“. Подобрала коза у дороги горный стебелек полыни. Пожевала его, выплюнула: „Вот теперь-то я сыта“.

Рисунки И. Казаковой

СОСЕДИ

Лает собака
скворцу со двора:
— Ох, и мала же
твоя конура!

Ей отвечает
веселый скворец:
— Да и скворечня твоя—
не дворец!

*Валерий Левановский
Рисунок Т. Капустиной*

2

ЗАБАВНЫЕ РАЗГОВОРЫ

— Мама, когда мой день рождения?
— Уже скоро.
— Так уже пора начинать слушаться
или еще нет?

— Мама, купи мне обезьянку!
— А чем мы будем ее кормить?
— А ты купи ту, что в зоопарке. Их кормить запрещается.

— Мама, мы играем в медведей в зоо-
саду. Поиграй с нами!
— А кем же я буду?
— Ты будешь тетя, которая бросает им
конфеты!

В детском саду Катенька увидела у вос-
питательницы деньги и спросила:

— Вы их купили?
— Нет, я их получила за работу.
— Так вы ходите на работу?— удиви-
лась Катенька. — А я думала, что вы всег-
да только с нами играете!

*Перевела со словацкого
Н. Гернет*

7

ЛЕНТЯЙ

Лентяй уверяет,
что он — не сплунтай,
что бегать и прыгать
умеет лентяй,
что плавать умеет,
что может грести,
ему бы вот только
с дивана сползти.

*Валерий Левановский
Рисунок Т. Капустиной*

6

КОНЬ

Жил молодой конь-огонь: грудь крепкая,
ноги быстрые, грива шелковая, а на лбу
белая звездочка. Пустил конюх коня в за-
гон. Пробежался конь по загону, топнул
копытом и ржет: и-го-го, мал мне загон.
Пустили коня на луг. Набегался конь по
лугу, опять копытом топнул: мал мне луг,
в вольную степь хочу. Отпустили коня
в вольную степь. А степь широкая, конца
и края не видать. Обскакал конь степь,
вернулся, топнул копытом: и степь ему ма-
ла. Запрягли коня в телегу. Сел конюх
в телегу, взмахнул кнутом. Рванулся конь,
понеслась телега. Бежит конь, гриву по
ветру развеивает, землю копытами рвет.
„И-го-го, — ржет, — тут-то мне работки на
всю жизнь хватят!“

*Борис Сергуненков
Рисунки И. Казаковой*

3

АРЧЕБЕК

ЗА ТИТУЛ ЧЕМПИОНА!

Итак, доблестные рыцари, вас ждут боевые задания финала. Их будет 12—6 тут и 6 в № 10, каждое принесет 10 очков.

Сколько же очков нужно для получения спортивного разряда? 80— для четвертого, 100 — для третьего, 120 — для второго. Победителям будет присвоен титул чемпиона АРЧЕБЕКА и вручен памятный приз.

Решения должны быть написаны аккуратно, четко и полно — требуется разобрать все важные варианты и довести их до ясности. Дополнения и поправки не принимаются.

А теперь — в бой!

Шахматный чемпионат:

№ 1. Белые: Кра8, Фd1, Лg8, Cf3, Ch2; черные: Крh4, Kg4. Мат в 2 хода.

№ 2. Белые: Крb3, Фа7, Лd2, Cf1; черные: Крc6, п.д6. Мат в 2 хода.

№ 3. Белые: Крg3, Фd8, Лd4, Kd2, п.f5; черные: Крe3, п.d3. Мат в 3 хода.

№ 4. Белые: Крe1, Лh1, Cd1, nn.d2, d6, f2, h2; черные: Крd8, п.d7. Мат в 4 хода.

№ 5. Белые: Крf7, па6; черные: Крb2, па7. Могут ли белые выиграть?

№ 6. Белые: Крh5, Лd1, Le1; черные: Крh7, Лd8, Лg8. Могут ли белые выиграть?

Шашечный чемпионат:

№ 1. Белые: c5, e1, f2, h2; черные: a7, e7, f4, g5. Выигреш.

№ 2. Белые: c3, d2, e1, e3, f2, g1, h4; черные: c5, c7, d6, e5, e7, f8, h6. Выигреш.

№ 3. Белые: Да7, пр.b6, c1, e3; черные: Дf6, пр.d8, g3, g7. Выигреш.

№ 4. Белые: c1, d2, f2, g3, h4; черные: b4, d4, d6, f6, h6. Есть ли выигреш?

№ 5. Белые: a1, c1, c5, d6, g1, h2; черные: a3, a7, d2, e3, f8, g5. Есть ли выигреш?

№ 6. Белые: Дf8, пр.e1, f2, f4, g3; черные: Да1, пр.a3, b2, f6. Есть ли выигреш?

ЧУДЕСА

В ШАШЕЧНОМ РЕШЕТЕ

Уважаемые рыцари! Сейчас я, всемирно известный факир-маг На Ду

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

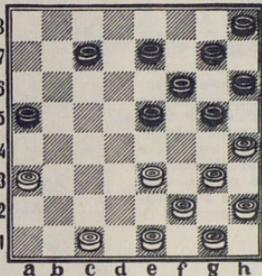
Твое боевое задание — определить, что сказал Знай. А дело происходило так. Нашли рыцарята Знай, Незнай и Полузнай записку: «Белые: Крe6, Лg1; черные: Крd8, Лc5. Ход белых». Расставили фигуры на доске и, конечно, тут же стали спорить.

— Никто никогда тут не выиграет! — кричал (кто?). — Потому что у одного король и у другого король, у одного ладья и у другого ладья. Силы равные — ничья!

— Силы равные — не спорю. А стоят-то как? Стоят-то неодинаково! Вот белые и выигрывают, — уверял (кто?).

— Кто первый прозеваает, тот и проиграет! — твердил (кто?).

Валкин, продемонстрирую вам свое искусство. Прошу следить внимательно и вдуматься в это положение.

Что здесь необычного? Ровно ничего. А ведь тут красивый выигреш! У кого? У белых, конечно. Понятно как? Нет? Тогда показываю — 1.e3—d4! 2.c1—b2! 3.g3—f4! 4.f2:d4! 5.a3—b4! 6.e1—d2! 7.g1—f2. Всем ясно?

А теперь внимание! Я снова ставлю на доску положение, которое на диаграмме, но шашки g7 и h8 переставляю на d8 и f8. Только и всего!

Положение, как вы видите, почти не изменилось. И показанная мной комбинация получается. То есть все, как будто, по-прежнему, не правда ли? Однако минуточку...

Абэ и Вэгда,

Чья же тут победа?!

Все ясно! Если провести теперь комбинацию, то это приведет к немедленному проигрышу белых!

Почему так? Вот вопрос, уважаемые рыцари, который я задаю вам.

С ДОБРЫМ ШАХОМ!

В 1927 году Алехин и Капабланка играли матч на первенство мира по шахматам. Тогда же состоялся и встреча двух известных боксеров — Серрея и Ренкина. Ренкин был почитателем Алехина, а Серрей — Капабланки. Когда Серрей нокаутировал Ренкина, тот, падая, воскликнул:

— А матч все-таки выиграет Алехин!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 7 решаются так:

Шахматы. А. 1.Фh3! Б. 1.e8K! (или g8Ф+) Крg8 2.Крg6.

Шашки. А. 1.fg7 ab4 2.gf2! bc3 (если ba3, то 3.fg3 и 4.gh8X) 3.gf8X. Б. 1.fe7 ab4 2.ed8! bc3 3.dg5! cb2 4. gc1! ba1 5. gf2X.

Для рыцарят — 1.Фd3 Крh5 2.Фh3X. **На подиgone** — мат дается в два хода: 1.Фa1! Чyдеса в решете — 1.e4! 2.de5! 3. gh4X.

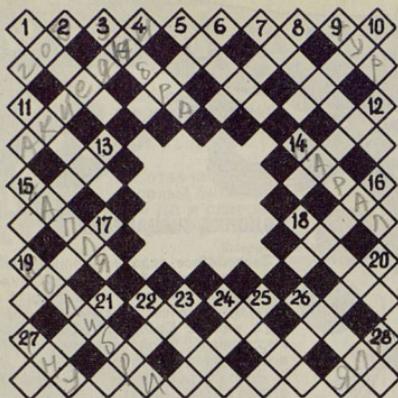
ПРИКАЗ № 9

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

Рыцарям-финалистам и рыцарятм отослать рапорты до 1 ноября.

Шахмат-адмирал Ферзьберри

Кроссворд „ФАУНА“

Составила и нарисовала
Ира Таран
из Кривого Рога

1. Рыба семейства кефалевых. 2. Пород служебных собак. 3. Дикая африканская лошадь. 4. Домашняя птица семейства фазановых. 5. Тропическая ящерица. 6. Северная птица. 7. Маленький таёжный олень. 8. Степной хищник. 9. Дикая утка, водившийся в Европе. 10. Тропический дятел. 11. Животное семейства жирафовых. 12. Хищник семейства кошачьих. 13. Головоногий моллюск. 14. Благородный олень. 15. Болотная птица. 16. Глубоководная промысловая рыба. 17. Дикая утка. 18. Степная птица. 19. Самая маленькая птица. 20. Черноморский дельфин. 21. Хищное животное саванн и полупустынь. 22. Горный баран. 23. Разновидность попугаев. 24. Животный мир определенной территории. 25. Камчатский бобр. 26. Птица наших лесов. 27. Род антилоп. 28. Насекомое.

Домовому Демьяше поручили стеречь ночью вазу с фруктами. Проснувшись под утро, он обнаружил, что фруктов стало больше. Демьяша задумался. Ему было известно, что Гном-Гастроном всегда говорит правду. Лесовик Сиволапыч всегда старается всех запутать и говорит все наоборот. Кроме того, голос Сиволапыча похож на голос Гнома. Хуссейн же по рассеянности часто ошибается, но никогда не говорит два раза подряд ошибочные вещи. Демьяша решил рискнуть и спросил:

- Кто положил лишние фрукты?
- Не я, — прозвучал в полутьме голос.
- А чей это голос? — спросил Демьяша.
- По-моему, это был голос Гнома, — отозвался Хуссейн. — А фрукты, насколько я помню, положил не я.
- Правильно сказал Хуссейн, — опять слышалось из угла.
- А что он сказал правильно? — уточнил Демьяша.
- Что это был голос Гнома, — отозвался голос. — Я все время молчал.

Этого было достаточно, чтобы Демьяша догадался, кто положил фрукты.

Составил и оформил В. Уфлянд

6.8.	5.4.	6. bl	4. 5.
			5.
			1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8.
			3.
		?	1.
			2.
			3.
			4.
			5.

Какой из изображенных в желтых клетках предметов следует поместить в красную клетку со знаком вопроса?

Какие предметы в ряду желтых клеток лишние и почему?

Выписав из названий этих вещей буквы, обозначенные номерами, вы прочтете правило, которое поможет вам не оставлять дома ничего нужного и не брать с собой в школу ничего лишнего.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ

1. Урожай лесовика: в желтых ящиках лимоны, в красных — морковь.
2. Кроссворд «Спорт». По горизонтали: 2. Гол. 5. Колотов. 8. Титов. 9. Химик. 12. Нетто. 13. Кузин. 16. Тодес. 17. Титов. 19. Воронин. 20. СКА. По вертикали: 1. Молот. 3. Токио. 4. Хомиц. 6. Биатлон. 7. Викулов. 10. Бег. 11. Рим. 14. Белов. 15. Химич. 18. Гонка.
3. Чайворд: 1. Яшин. 2. Нодия. 3. Якубик. 4. Кузнецов. 5. Варламов. 6. Швищев. 7. Веремеев. 8. Векуа. 9. Анощенко.

Рисунки
М. Беломлинского

Немецкий писатель и философ Лихтенберг в разговоре с приятелем назвал одного университетского профессора глупцом.

— Что вы, это ученый человек, — возразили ему, — вы бы видели, с каким старанием выписывает он умные мысли из старинных фолиантов в свою записную книгу.

— Увы, — ответил Лихтенберг, — умные мысли проходят из старинных книг в записную книжку, совершенно не оставляя следа в голове этого профессора.

ПРЕЗИДЕНТ И ГОСПОДЬ БОГ

Президент Финляндии Урхо Кекконен в книге своих воспоминаний рассказывает следующий забавный случай.

Вскоре после того как он впервые занял высший пост в государстве, у него побывал министр почт и телеграфа. Министр рассказал президенту, что в почтовое ведомство поступило письмо, адресованное... господину богу! Поскольку финские почтальоны еще не освоили дорогу на небеса, письмо решено было вернуть отправителю — мальчонке из бедной крестьянской семьи.

Кекконен попросил, чтобы письмо передали ему. В письме наивный мальчик жаловался всемогущему богу на тяготы жизни и просил помочь, прислать 1000 марок.

«Тысяча марок, конечно, сумма слишком большая, — решил растроганный президент, — но ребенку надо помочь...» И приказал послать мальчику 500 марок из своих личных средств.

Через несколько дней министр почт принес новое письмо с тем же странным адресом. Мальчик писал: «Дорогой бог! Спасибо за то, что откликнулся на мою просьбу. Но в следующий раз, пожалуйста, не передавай мне деньги через президента — а то он опять присвоит себе половину».

СОДЕРЖАНИЕ

Твоя школа	беседа В. Дымова . . .	1
Что посеешь	повесть В. Фролова рисунки И. Харкевича .	5
Страна Поэзия	рисунки М. Басмановой	16
Виктор Леонтьев выходит на экран	очерк Г. Князева . . .	18
Расул из аула Цада	к 50-летию со дня рождения Расула Гамзатова	22
Рассказы об Ундре	Ю. Афанасьева рисунки К. Овчинникова	24
Десять дней в сентябре,	какими их запомнил Ю. Голубенский	28
Скромный художник	Анри Руссо	32
беседа Б. Семенова . .		
Шуркина стратегия	повесть И. Нерцва рисунки Ю. Шабанова	35
Экспедиция „Гидрограф“	Первый день	47
рассказы В. Драгунского		48
Закон и ты		51
Морская газета		54
Зеленые страницы	ведет писатель Н. Сладков	56
Два двора рядом	очерк В. Кордовского	58
рисунки А. Януса . . .		
Уголёк	журнал для малышей	61
Арчбек	шахматы и шашки . .	63

На четвертой странице обложки
Веселые стихи
Рисунки Г. Ковенчука

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова,
Л. С. Кокорина, А. И. Пятельева,
Л. Н. Поля,
Е. В. Серова
близкая (от
дети), Н. А.
Ю. А. Юрки

Художник-ре-
М. С. Бело

Рукописи и
Адрес ре-
Таврич

М-56385. Сл
писано к па
60:904. Пе
Тираж 6000

Ленинградская
Союзолитграф
мите Совет
издательство, в
197101, Лени

Совершенно серьезно

Я два месяца жил на природе без оглядки на солнце и дождь. Даже мама сказала: «Вроде — не дитя, а индейский вождь».

Я за лето отчаянно вырос, уж кричат мне: «Привет, старина!» А недавно на «вы» обратилась в нашем доме старушка одна.

Совершенно серьезно спросила: — Вы опять оседлали перила?..

Р. Красновский

Кактус

На окне стоит горшок, А в горшке растёт цветок. Посмотреть — не разберешь: Не растение, а еж!

Я спросил у мамы как-то: — Для чего нам нужен кактус? Вот у Толи и у Вовы Проживают два чижика... Лучше нам иметь живого Настоящего ежа!

Г. Шахнович

ВЕСЁЛЫЕ стихи

Рисунки Г. Ковенчука

Что мне делать,
Сам не знаю?
Как себя мне излечить?
Я уроки забываю —
И не знаю, что учить!

Задают о суходоле —
Я читаю о футболе.
Записал не ту задачу,
А теперь сижу
И плачу!

В голове темно и пусто,
Цифры прыгают, звеня.

Почему-то
Очень грустно

Мама смотрит
На меня.

Говорит она:
— Сыночек!
Успокойся! Не тужи!
Ты на память
Узелочек
На платочке
Завяжи!

Завязал я узелок,
Да не помню,
Где платок?!

*Мария Пригара
Перевел с украинского
Владимир Орлов*

Забывака